

Four vertical teal bars of varying heights are positioned in the upper half of the page. The text is centered over these bars.

ДЭНИЭЛ БРУК

ИСТОРИЯ
ГОРОДОВ БУДУЩЕГО

Four vertical teal bars of varying heights are positioned in the lower half of the page. The first bar on the left is slanted. The text is positioned to the left of these bars.

STRELKA PRESS

Дэниэл Брук

История городов будущего

«Strelka Press»

2013

Брук Д.

История городов будущего / Д. Брук — «Strelka Press», 2013

ISBN 978-5-906264-35-0

Четыре совершенно разных города в разных концах Земли, но каждый из них стал попыткой своей страны встроиться в западную цивилизацию и создать её форпост на своей территории — «окно в Европу», образ собственного будущего, пригодный и для внешнего, и для внутреннего использования. История движения Востока на Запад через призму городской культуры и городской политики — в бестселлере журналиста Дэниела Брука.

ISBN 978-5-906264-35-0

© Брук Д., 2013
© Strelka Press, 2013

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
От автора	7
Введение	12
1. Новый амстердам. Санкт-Петербург, 1703–1825	19
2. Шлюха Азии. Шанхай, 1842–1911	40
3. <i>Urbs Prima in Indis</i> . Бомбей, 1857–1896	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68
Комментарии	

Дэниэл Брук

История городов будущего

Моим родителям

Daniel Brook
A history of future cities

Перевод с английского Дмитрий Симановский

English language edition published by W. W. Norton & Company, © Daniel Brook, 2013.

© Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014

Предисловие к русскому изданию

Эта книга начинается в Петербурге – как буквально, так и метафорически. Прожив все детство в пригороде Нью-Йорка, в двенадцать лет я совершил свою первую поездку в Старый Свет. Мы с родителями отправились в Россию, где до сих пор живут мои дальние родственники. В Петербурге я узнал почти сказочную историю его создания. Интуристовский гид постоянно указывала на архитектурные детали и приметы ландшафта, из-за которых Петербург больше похож на западный, нежели на русский город. Будучи американцем двенадцати лет отроду, я не до конца понимал, что именно она имела в виду.

Более десяти лет спустя, по заданию редакции я оказался в Индии, где впервые посетил Мумбай (бывший Бомбей). Я бродил по улицам города, вглядывался в неоготические здания университета, суда, железнодорожного вокзала и снова и снова вспоминал Петербург. В жаркой, солнечной Индии странно было думать о России с ее туманами и снегами. Но Бомбей, куда британский колониальный губернатор Генри Бартл Эдвард Фрер пригласил ведущих архитекторов Англии, чтобы построить на берегу Аравийского моря тропический Лондон, однозначно напоминал придуманный Петром Великим арктический Амстердам-на-Неве. Так из прогулок по Мумбаю и воспоминаний о Петербурге родилась идея этой книги.

Поскольку сам я из Нового Света, а писать мне пришлось о Старом, эта книга написана с точки зрения постороннего. Новость о том, что ее решили перевести на русский, сделав мой взгляд постороннего доступным для тех, кто внутри, я воспринял с некоторым трепетом. Для меня большая честь, что издательство Strelka Press поверило в возможный успех моей книги у российской публики, но боюсь, что я, как образованный иностранец, чье знание русского языка ограничивается кириллическим алфавитом (слава богу, в русском немало французских заимствований: метрополитен, ресторан и т. д.), непременно упустил из виду многие реалии Петербурга, столь очевидные для местных жителей. Я надеюсь, что для российских читателей (как и для индийских, китайских и арабских читателей, которые знают Мумбай, Шанхай и Дубай куда лучше меня) диапазон поднятых в книге вопросов с лихвой восполнит ее недостатки. Невероятная история создания Санкт-Петербурга в XVIII веке смотрится рельефнее в свете головокружительного подъема Бомбея в следующем столетии. Понимание роли Петербурга как «окна в Европу» становится глубже, если знать, что Шанхай позже сыграл схожую роль для Китая. Взгляд на бурную историю принудительной модернизации России как на первый пример такого непростого процесса в незападной стране придает местным событиям глобальный контекст. Как и сам Петербург, эта книга может сделать своих русских читателей чуточку менее русскими, но, возможно, им не грех на это пойти ради расширения собственного кругозора.

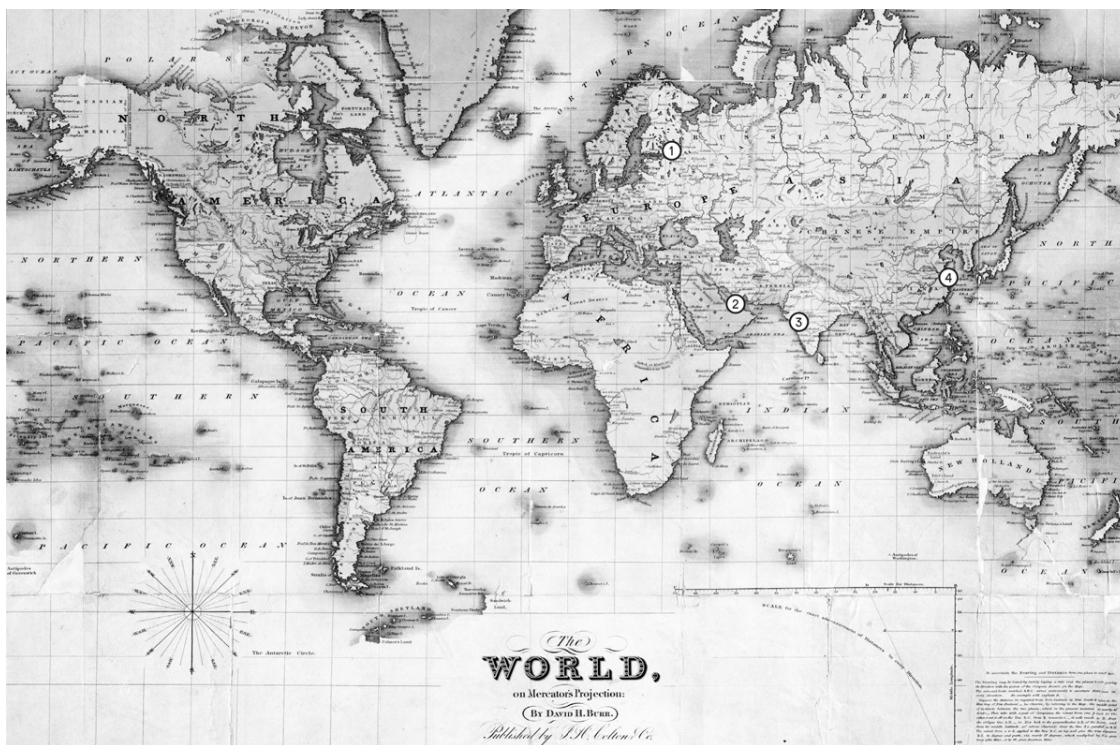
Новый Орлеан, США, 2014

От автора

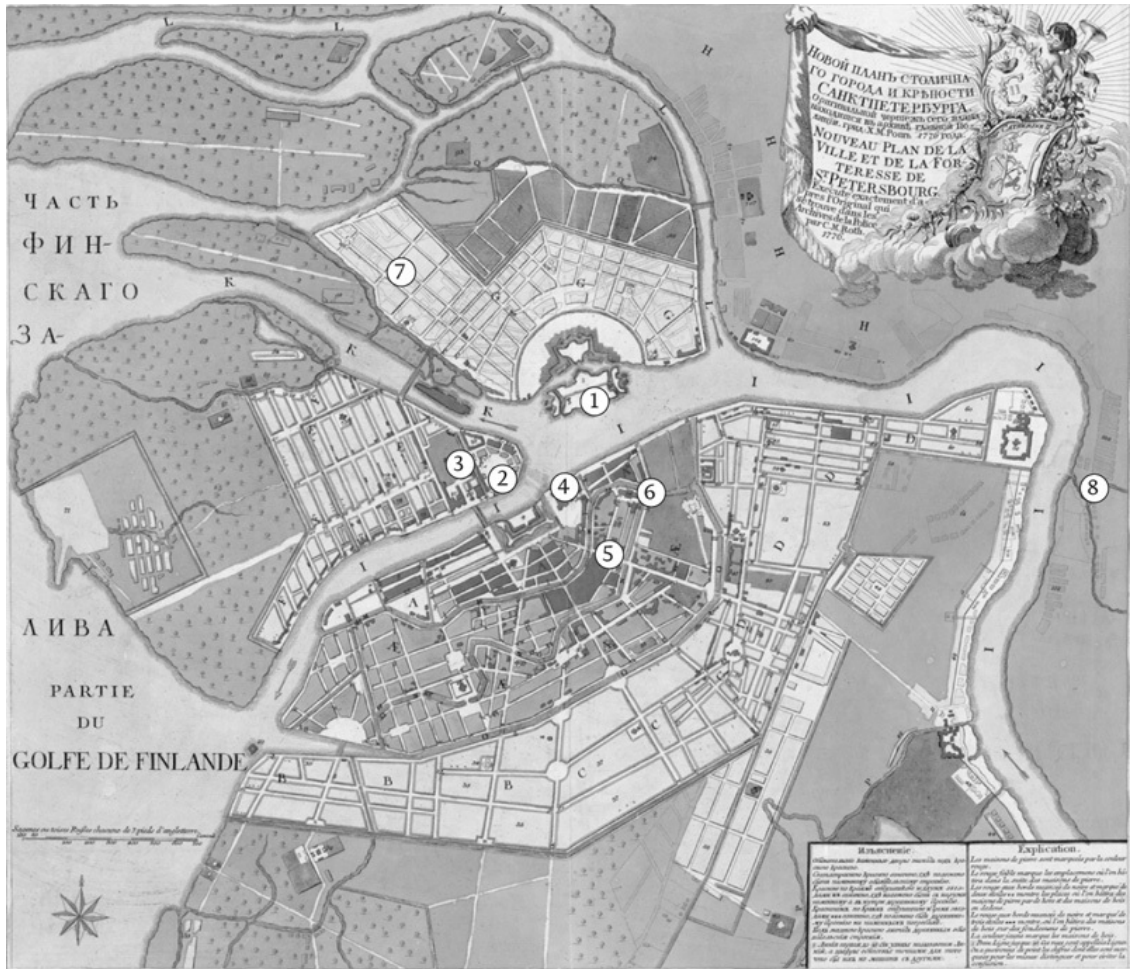
Из четырех городов, о которых пойдет речь в этой книге, два – Санкт-Петербург и Мумбаи – по-разному назывались в разные периоды истории. Я буду употреблять имя, соответствующее описываемому периоду (например, «Санкт-Петербург времен Екатерины Великой»; «блокада Ленинграда»).

Больше всего в Петербурге, Шанхае и Мумбае привлекает то, что они во многом сохранили свой исторический архитектурный облик. О зданиях, которые все же были разрушены, я буду говорить в прошедшем времени (о колоколах Федоровского собора в Петербурге: «на них были выгравированы портреты всех членов императорской фамилии»); сохранившиеся здания будут описываться в настоящем времени («фасад [мумбайского] кинотеатра “Регал” украшен барельефами с масками трагедии и комедии»).

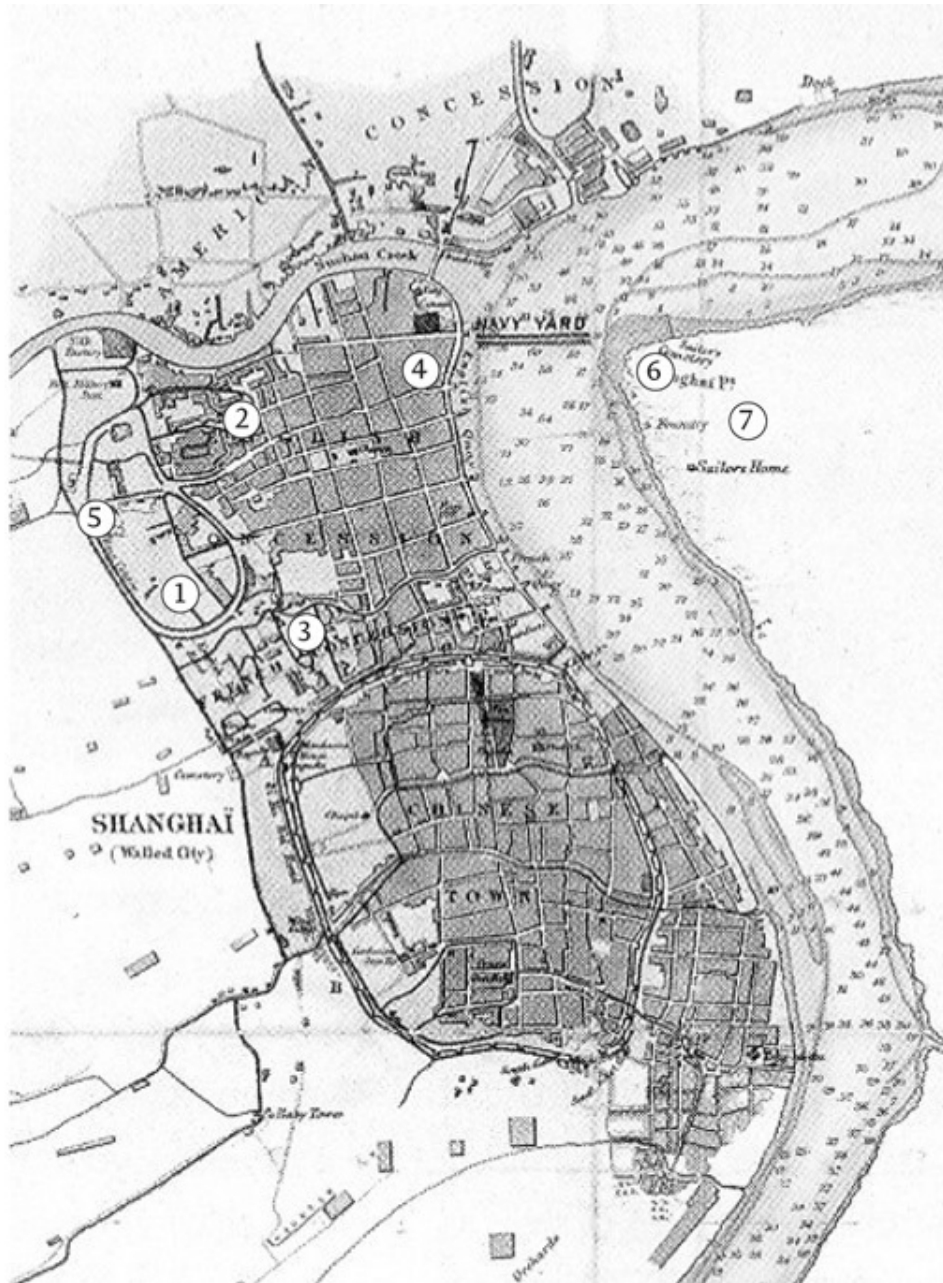
Все цитаты из внешних источников перечислены в примечаниях. Остальные цитаты взяты из проведенных автором интервью.

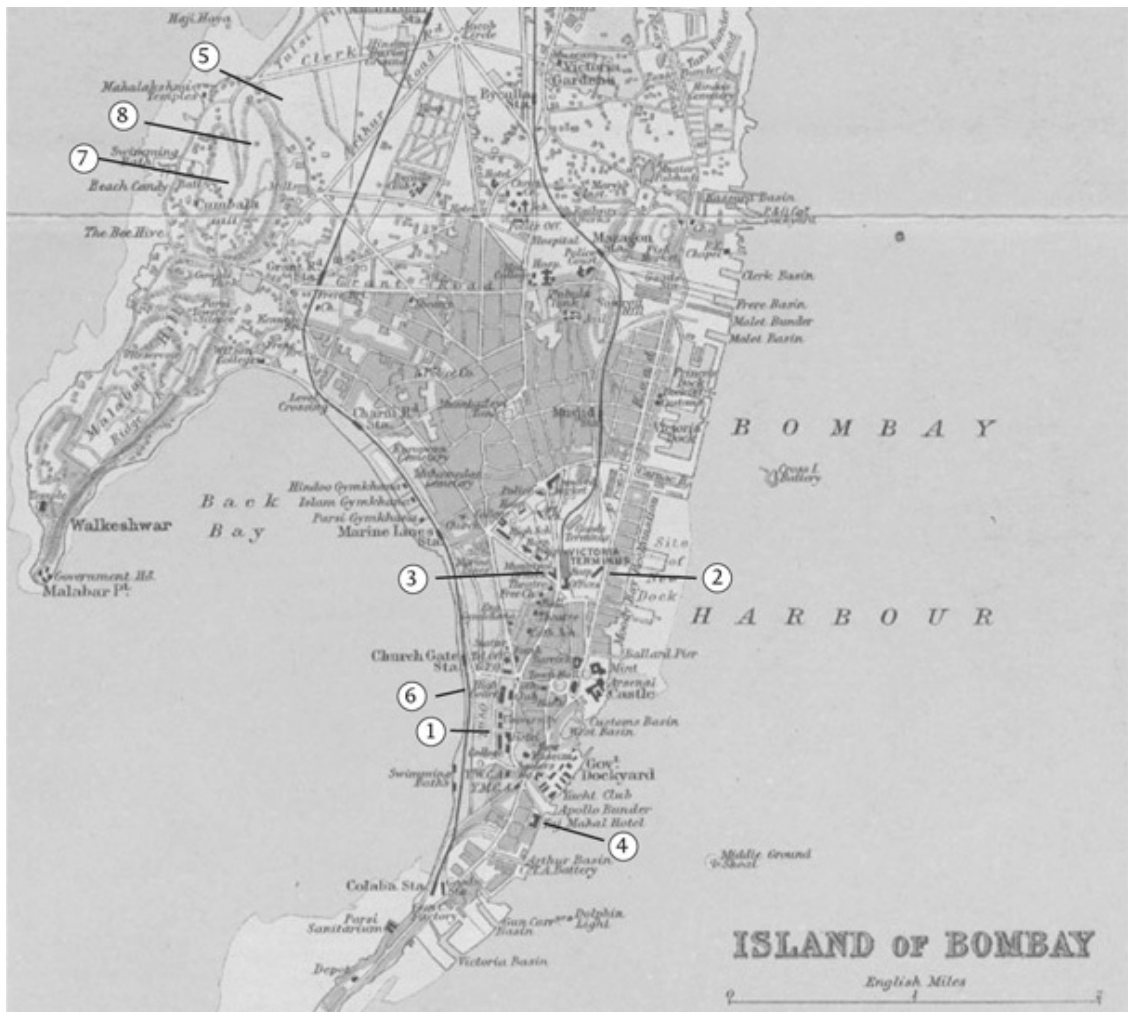
Карта мира в проекции Меркатора, 1840. 1. Санкт-Петербург 2. Дубай 3. Мумбаи 4. Шанхай © Отдел карт им. Лайонела Пинкаса и принцессы Йордании Фирьял. Нью-Йоркская публичная библиотека, фонды Астора, Ленокса и Тилдена.

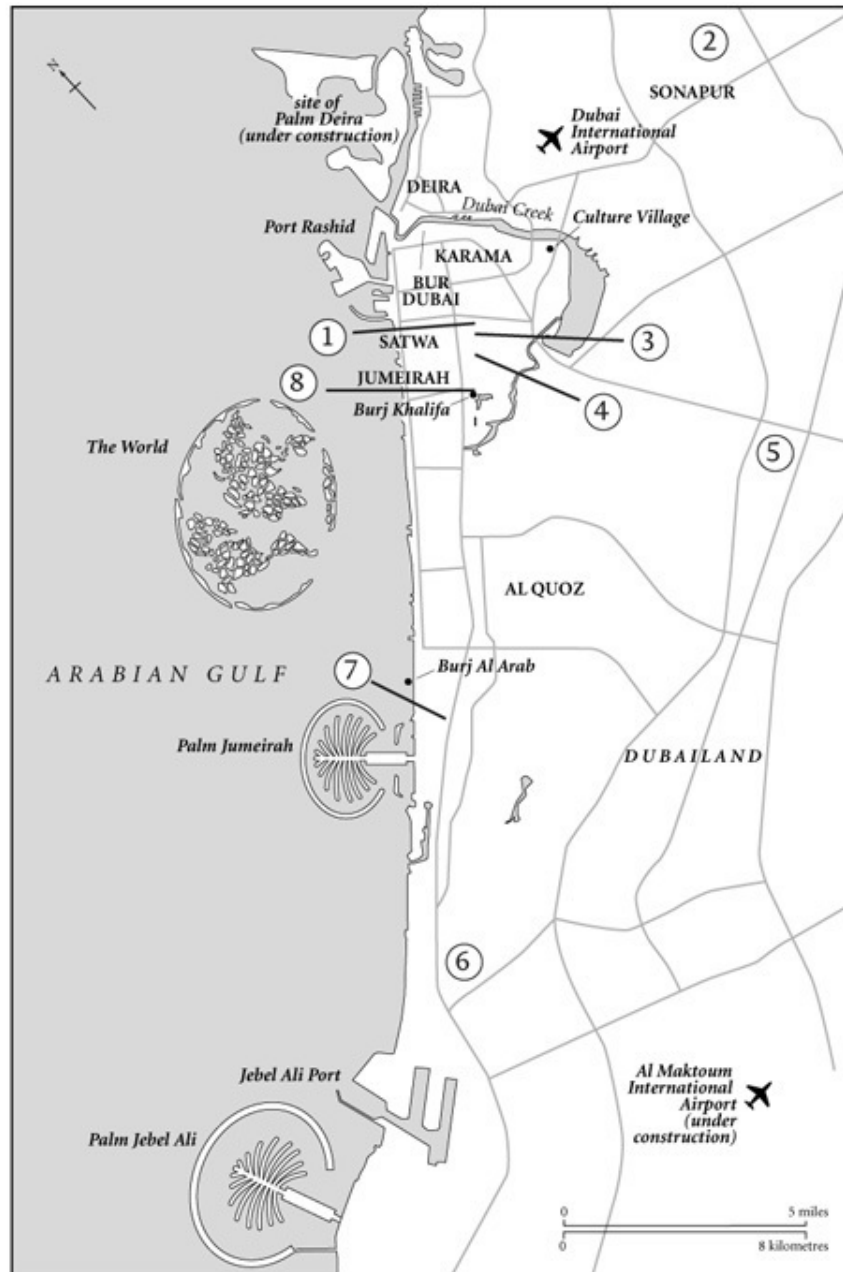
Санкт-Петербург, 1776. 1. Петропавловская крепость 2. Кунсткамера 3. Университет 4. Зимний дворец 5. Невский проспект 6. Храм Спаса на Крови 7. Фабрика «Красное знамя» 8. «Газпром-сити» (первоначально предложенное местоположение на Охте). © Библиотека Конгресса

Шанхай, 1862. 1. Конноспортивный клуб (теперь – Народная площадь) 2. Универмаги Sincere и Wing On на Нанкинской улице 3. «Весь мир» 4. Отель Cathay 5. Park Hotel 6. Телебашня «Восточная жемчужина» 7. Небоскреб Jin Mao. © Национальный архив Великобритании

Бомбей, 1909. 1. Университет 2. Вокзал Виктория (теперь – вокзал Чхатрапати Шиваджи) 3. Городской совет 4. Отель Taj Mahal 5. Спортивный клуб Willingdon 7. Резиденция Мукеша Амбани 8. Imperial Towers. © Imperial Gazetteer of India, Библиотека Чикагского университета

Дубай, 2010. 1. Dubai World Trade Center 2. Трудовой лагерь Сонапур 3. Emirates Towers 4. Dubai International Finance Center 5. Dragon Mart 6. Молл Ibn Battuta 7. Удвоенный Крайслер-билдинг 8. Burj Khalifa. © Ali S. Dubai: Gilded Cage. Yale University Press, 2010

Введение XXI век. Ориентация

Актовый зал Университета Мумбая. © Дэниэл Брук

Где это мы?

Прогулка по Петербургу, Шанхаю, Мумбаю и Дубаю вызывает один и тот же вопрос. Эти мегаполисы выглядят так, будто построили их не в России, Китае, Индии или арабском мире соответственно, а где-то в другом месте, и каждый вызывает ощущение дезориентации, которое одновременно очаровывает и приводит в замешательство. В императорском дворце в сердце Петербурга есть пышная зала, панели на сводах и стенах которой точно повторяют ватиканские фрески, и только снегопад за окном мешает полностью отдаться иллюзии. Шанхайские гостиницы 1920-х годов в стиле ар-деко смотрятся как манхэттенские небоскребы эпохи

джаза, чудесным образом перенесенные в город, настолько далекий от Нью-Йорка, что здесь даже не приходится переводить часы – просто два часа дня становятся двумя часами ночи. В Мумбае полуторавековое готическое здание университета напоминает странный, засаженный пальмами Оксфорд, а два одинаковых Крайслер-билдинга в Дубае заставляют задуматься: кому, интересно, пришло в голову, что если один поддельный небоскреб – хорошо, то два и того лучше?

Четыре таких разных города объединяет ощущение дезориентации. И ощущение это не случайно, поскольку дез-ориентация тут – часть замысла.

Ориент (*orient*) в английском языке – одновременно и существительное, и глагол. Существительное означает «восток»; глагол означает «осознать свое положение в пространстве», но здесь оба этих значения переплетаются. Человек, потерявшись в лесу, может определить свое местонахождение (сориентироваться) по солнцу, зная, что оно встает на востоке (ориент). Ощущение дезориентации, которое оставляют Петербург, Шанхай, Мумбай и Дубай, возникает оттого, что, находясь на востоке, они намерено строились по западному образцу.

Зачастую отношение западных путешественников к этим городам балансирует на грани любви и ненависти. Многие туристы с удовольствием отдыхают в Мумбае, самом космополитичном и развитом городе Индии, от чуждых и непонятных им реалий субконтинента. В центре, выстроенном во времена Британской империи, запрещены авторикши: грохочущие трехколесные повозки, выполняющие роль такси по всей Индии. Даже разгуливающие по улицам коровы, непрменная примета индийского городского пейзажа, и те попадаются тут нечасто. Каждое утро, когда с вокзала, напоминающего Сент-Панкрас в британской столице, потоки живущих в пригородах брокеров и секретарей растекаются по неоготическим офисным зданиям, этот поддельный тропический Лондон практически сходит за настоящий. И тем не менее из этой эрзац-столицы с ее величественными банками и красными двухэтажными автобусами западные туристы нередко стремятся сбежать в провинцию, чтобы увидеть «настоящую» Индию.

Дубай, как правило, вызывает куда более суровые суждения. Местные обычаи стерты, арабскую речь вытесняет английский, вместо базаров – торговые центры, в супермаркетах продается свинина, в гостиницах наливают алкоголь; это город, где традиции арабского мира намеренно размываются, уступая место безликому, безвкусному глобальному будущему. В отсутствие очарования старины, которое превратило в памятники архитектуры подделки вроде мумбайского Оксфорда, этот «Лас-Вегас Среднего Востока» легко заклеить как насквозь фальшивый мегаполис, полностью лишенный культуры.

Но как бы к ним ни относиться, с этими дезориентированными мегаполисами приходится считаться. Дело в том, что это города-идеи; это выраженные в камне и стали метафоры ясно сформулированной цели, имя которой – вестернизация. Вот почему тема телевизионных дебатов, устроенных на британском телевидении в 2009 году, могла звучать так: «Считаете ли вы, что Дубай – это плохая идея?»¹ Ничего подобного про, скажем, Сент-Луис на Би-би-си снимать бы не стали, потому что Сент-Луис – это не идея, это просто место на карте.

Что бы туристы или гости телестудии ни думали о дезориентированных городах развивающихся стран, куда важнее, что о них думают их жители. Вопрос, беспокоящий туристов, – где мы находимся? – имеет куда меньшее значение, нежели вопрос, который ставят перед собой обитатели этих городов: кто мы такие? Эти открытые всему миру города заставляют задуматься, что значит быть современным арабом, русским, китайцем или индийцем и могут ли модернизация и глобализация быть чем-то большим, чем эвфемизмами вестернизации. За столетия существования Петербурга, Шанхая и Мумбая в их городском укладе находили выражение разные ответы на эти вопросы. Каждый их квартал отражает свойственное

¹ Doha Debates, 14 декабря 2009 года [Link].

определенному периоду видение будущего России, Китая и Индии. Но какой бы богатой ни была их история, наибольший интерес там представляет не то, что уже существует, а то, что еще может быть создано. Значение этих городов именно в том, что начинались они с обещания построить будущее – и обещание это по-прежнему в силе.

Мир узнал о существовании Дубая всего несколько лет назад. Об этом городе написаны тысячи журнальных статей, где он преподносится Западу с совершенно разных сторон: он и богатый, и безвкусный, и странный, и угрожающий. Но чаще всего Дубай представляли как нечто новое. Построенный в считанные годы глобальный мегаполис с его «галлюциаторными панорамами»² привлек внимание всего мира небоскребами рекордной высоты, крытыми горнолыжными спусками и небывалым разнообразием населения. 96% жителей Дубая – иностранцы³, и по сравнению с этой цифрой меркнут даже 37% иммигрантского населения Нью-Йорка⁴. По словам двух американских обозревателей, «все и всё, что здесь есть, – роскошь, рабочие, архитекторы, акценты, даже мечты – доставлены сюда на самолете откуда-нибудь еще»⁵. Но, несмотря на восхищенные рассказы о беспрецедентном взлете Дубая, по-настоящему новой в этом проекте является лишь роль авиации. Он подавался как не имеющее аналогов явление, но в действительности это лишь самое недавнее воплощение довольно старой концепции. Три последних столетия города, построенные по западному образцу, выросли в развивающихся странах по всему миру в дерзких попытках подтянуть отсталые регионы до уровня современного им мира. Если когда-то быстрота возведения этих городов определялась скоростью океанских лайнеров и поездов, то сегодня их рост обеспечивается межконтинентальной авиацией, способной доставить человека из одного крупного города мира в любой другой в течение одного дня. Так что, хотя город Дубай сам по себе и новый, идея такого города не нова – просто в эпоху работающей на авиационном керосине глобализации такая идея может быть реализована в невообразимые ранее сроки.

Эта книга про идею Дубая – идею, которая зародилась там, где одуряющей жары Дубая дадут фору нечеловеческие морозы приарктических широт, там, где Нева впадает в Балтийское море. Там в 1703 году на бесплодных, зловонных болотах русский царь Петр Великий заложил город, который должен был во всем походить на города Западной Европы, – образцовый город с колоннами и классическими куполами, но без единой луковичной главки. Копируя свой любимый Амстердам, царь дал своей новой столице не русское, но голландское имя – *Sankt Pieter Burkh* – и согнал крепостных рыть каналы, чтобы она еще больше походила на великий голландский порт. Он выписал придворных архитекторов со всей Европы и позволил им строить на девственной земле самые современные, самые фантастические здания, какие они только могли спроектировать. Со временем Петербург заполнился иностранными специалистами, и русской знати пришлось научиться говорить на французском, международном языке того времени, подобно тому, как влиятельные подданные арабских эмиратов сегодня говорят по-английски.

Когда Петербург только закладывался, посетители салонов Лондона и Парижа посмеивались над молодым царем и его нелепой промерзлой Венецией, покрытой сетью непригодных для судоходства обледеневших каналов. Но смешки вскоре заглохли; за несколько десятилетий Петербург стал самым космополитичным городом Европы. Не прошло и века с его основания, как просвещенным европейцам уже приходилось ездить туда, чтобы посмотреть на шедевры, созданные их собственными соотечественниками, – столько искусства закупала и отправляла в свой петербургский дворец Екатерина Великая. Но вскоре и русским самодерж-

² *Tosches N.* Dubai's the Limit // *Vanity Fair*. 2006. June. P. 156.

³ *Davidson Ch.* Dubai: The Vulnerability of Success. N.Y.: Columbia University Press, 2008. P. 190.

⁴ New York (City), New York // U.S. Census Bureau [Link].

⁵ *Kasarda J., Lindsay G.* Aerropolis: The Way We'll Live Next. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. P. 290.

цам пришлось начать считаться с современными людьми, которых породил этот город. Новая столица строилась как декорация современности, как экспериментальный мегаполис, где не стесненные бюджетом и существующей застройкой зодчие могли сооружать все, что позволяло их мастерство и воображение. Но этот современный город, с его свежевозведенными университетами и научными музеями, которые были построены и поначалу укомплектованы одними только иноземными специалистами, изменил своих обитателей. Чем шире становился их кругозор и чем больше распространялось там просвещение, тем меньше их устраивал общественный договор, обещавший им чудеса будущего в обмен на средневековую покорность.

Потрясенные взлетом Петербурга, шутившие над Петром европейцы принялись ему подражать, не вдаваясь в присущие его городу противоречия и конфликты. Сколотив к XIX веку громадные империи, великие державы начали создавать по всему миру поселения в западном духе, где оторванные от родины дельцы чувствовали себя как дома, а местные народы восхищались чужими технологическими достижениями. Самыми крупными из таких городов стали практически европейские мегаполисы Шанхай и Бомбей (ныне Мумбай), служившие воротами в Китай и Индию соответственно. В Шанхае, отхватив себе по куску земли, британцы, французы и американцы основали колонии, похожие на родные им города. Британцы построили оживленный порт без единой пагоды и приберегли луга для занятий спортом, французы засадили деревьями гармоничные бульвары с элегантными кафе, а американцы сварганили архитектурный винегрет в духе Дикого Запада и назвали его главную улицу Бродвеем. Для своих ворот в Индию британцы для начала создали собственно остров Бомбей, с помощью масштабной мелиорации превратив тесный архипелаг в просторный участок суши у побережья субконтинента. Затем на подготовленном таким образом холсте они изобразили в камне свой тропический Лондон, викторианский неоготический мегаполис с ошестинившимися горгульями вокзалами и университетскими корпусами.

Если Шанхай и Бомбей должны были стать для проектировавших их европейцев поселениями, где все удобно и знакомо, то у китайских и индийских обитателей эти непривычные новые здания, да и сами космополитичные города, напротив, вызывали попеременно недоумение, страх и воодушевление. Именно в Бомбее индийцы впервые познакомились с железными дорогами. Именно в Шанхае китайцы увидели первый небоскреб. Как правило, лишённые доступа в устроенные на их земле белые сообщества, китайцы и индийцы вскоре начали создавать собственные версии структур и учреждений, завезенных к ним с запада, но остававшихся им недоступными. Шанхайцы основали собственные торговые корпорации и первый в Китае выборный городской совет, а коренные жители Бомбея – самобытную киноиндустрию и антиколониальную ассамблею. Эти англоговорящие города стали горнилом китайского и индийского прогресса, где местные жители в спорах формулировали, что это значит – быть китайцем или индийцем в современном мире. Эти колониальные города породили мужчин и женщин, которым стало нестерпимым колониальное иго и которые в конце концов его свергли.

Петр Великий и модернизаторы последующих веков, будь то иностранные империалисты, из которых полностью состоял городской совет дореволюционного Шанхая, или местные автократы, как шанхайский мэр эпохи экономических преобразований Чжу Жунцзи, всегда старались перенести на новую почву только избранные элементы западного общества. Такая позиция подразумевает необходимость принимать решения о том, какие из характерных компонентов современности – развитие технологий, всеобщую грамотность, индустриализацию или, может, социальное равенство – стоит добавить в плавильный котел создаваемого общества. Разумеется, власть имущие предпочитают импортировать только то, что, по их мнению, будет укреплять и усиливать их господство, и отказываются от всего, что может поставить его под вопрос. Однако, несмотря на тщательную проработку мизансцен, которой самозванные режиссеры современности уделяют столько внимания, у руководимых ими народов есть удивительная склонность выходить за рамки сценария. В творческих импульсах, кото-

рые помимо архитектуры – небоскребов 1920-х годов в Шанхае, кинотеатров в стиле ар-деко в Бомбее – проявились и в петербургской литературе, шанхайской моде и мумбайском кинематографе, эти города-эпигоны породили потрясающие по своей оригинальности явления, ставшие результатами самоопределения, которое их правители так старались подавить. То, что началось как копирование западных городов, – реплика ватиканских лоджий Рафаэля, которую Екатерина Великая заказала для своей резиденции в Санкт-Петербурге, фасад венецианского Дворца дождей, который британские архитекторы прилепили к библиотеке Бомбейского университета, часовая башня Биг-Чинг в Шанхае, недвусмысленный ответ лондонскому Биг-Бену, – стало чем-то совершенно новым. Декларативная, мишурная современность этих городов стала настоящей, когда созданное ими разноликое, образованное, космополитичное население начало подвергать сомнению установленные для них правила.

Вместе с тем каждый из этих трех городов переживал периоды утраты веры в современность. Когда местные жители разочаровывались в возможности равноправного общения между народами, эти города отгораживались от внешнего мира. Не случайно именно Петербург породил большевиков, Шанхай – китайских коммунистов, а Мумбай – Индийский национальный конгресс: силы, которые в той или иной мере оборвали связи своих стран с остальной планетой. И если эти старшие города-побратимы дают хоть какое-то представление о будущем Дубая, то его правителям стоит задуматься об опасной игре во Франкенштейна, которую они затеяли, создавая свой город.

Идея Дубая – та же, что и у Петербурга, Шанхая и Мумбая, – это идея нашего времени: века Азии, века урбанизации. Перемещение из сельской местности в большой город, столь характерное для Петербурга на протяжении трех столетий и для Шанхая и Мумбая последних 150 лет, стало определяющим движением XXI века. Каждый месяц в развивающихся странах 5 миллионов человек переезжают из деревни в город⁶, где они сталкиваются с западными потребительскими товарами, культурными нормами и архитектурными особенностями, которые когда-то были исключительной прерогативой этих трех городов. В начале XVIII века лишь русский царь-идеалист массово выписывал западных специалистов в помощь своему правительству; сегодня власти во всем мире прибегают к советам консультантов McKinsey и бюрократов из Всемирного банка. В середине XIX века только в Бомбее разнообразие населения и сопутствующее ему напряжение было так велико, что газетная карикатура на пророка Магомета могла спровоцировать охватившее весь город восстание мусульман против неверных; в последние годы подобные беспорядки вспыхивали в городах по всему миру. Сто лет тому назад Шанхай стал первым городом мира, где открылось отделение Гарвардского университета; сегодня кампусы ведущих американских университетов есть повсюду от Дохи (Корнелл) до Сингапура (Йель).

Когда-то не имевший аналогов дезориентированный вид этих городов, ставших местом встречи Востока и Запада, сегодня уже никого не удивляет. Торговые центры, как в Нью-Джерси, рассыпаны вокруг Бангалора и Ченнаи, а вдоль автомобильных эстакад Пекина и Чэнду выстроились подразделения крупных компаний, как в Калифорнии. Вырастают новые города вроде Шеньчжэня, полностью состоящего из современных зданий и заселенного исключительно мигрантами, а старинные поселения, как Абу-Даби, который сравнивали с землей и выстроили заново, выглядят немногим старше. Если сто лет назад устроенные по западному образцу Шанхай и Бомбей выделялись на фоне других центров развивающегося мира, то сегодня их значение как раз в том, что они теряются в общей массе. Исторические города-ворота перестали быть чем-то необычным; теперь они – первые примеры воплощения идеи, позднее захватившей весь мир. Из дня сегодняшнего историю этих опередивших время городов можно рассматривать как генеральную репетицию XXI века.

⁶ Glaeser E. Triumph of the City. N.Y.: Penguin, 2011. P. 1.

На нынешней все еще ранней стадии обратной глобализации после холодной войны быть современным китайцем – означает жить в «Округе Ориндж», созданном по калифорнийским лекалам охраняемом поселке в окрестностях Пекина, а быть современным арабом – значит жить в «Беверли-Хиллз» недалеко от Каира. Подобные декорации Запада стали сегодня концентрированным выражением современного мира, хотя со временем могут возникнуть и более интересные сплавы. Помня о критике, которой профессиональные историки подвергают сейчас примитивное представление о синонимичности «Запада» и современности, да и само противопоставление Востока Западу, придуманное европейцами, чтобы преподнести техническое превосходство как обоснование своей колонизаторской политики, эта книга тем не менее со всей серьезностью рассматривает исторически сложившиеся образы национального самовосприятия, включая и представления о собственной отсталости. Примеры, когда не-западные народы отказывались от привязки модернизации к всеобъемлющей вестернизации, как это случилось в Шанхае и Бомбее в 1920-е годы, будут разбираться тщательно, даже с удовольствием. Но не останутся без внимания и такие моменты, как франкоговорящий Петербург XVIII века или современный китайский «Округ Ориндж», где превалирует прямое копирование.

Причины, по которым после долгих веков отставания от арабского мира, Индии и Китая Западная Европа так резко ускорила развитие, остаются невыясненными; историки до сих пор ведут жаркие споры о том, как это произошло. Поскольку окончательного ответа нет и по сей день, это подстегивает тягу к подражанию. Подражание – это возможность догнать, точно не выяснив почему, как и до какой степени ты отстаешь; даже не поняв толком, что значит это «отставание». Исторический опыт показывает, что подражание – это чаще всего не цель, а лишь первый шаг в деле развития. Через двадцать лет после восстановления связей с внешним миром сегодняшний Шанхай больше походит на подражательный Шанхай 1860-х годов с его британскими, французскими и американскими поселениями, нежели на флагман передовой китайской современности – Шанхай 1920-х. Дело в том, что, несмотря на все нынешние небоскребы и поезда на магнитной подушке, сто лет назад Шанхай был куда больше похож на город будущего. Но к концу XXI века Шанхай вполне может побить все свои прежние исторические рекорды.

По-настоящему наш век уникален тем, что копии стали куда важнее оригиналов. Хотя в отпуск мы скорее съездим посмотреть на Дворец дождей в Венецию, в поддельном дворце дождей Мумбайского университета учатся будущие премьер-министры и главы корпораций идущей на подъем Индии. То, что происходит в элегантном Крайслер-билдинге на Манхэттене, когда-то построенном могущественным американским автопромышленником, а ныне на 90 % принадлежащем суверенному фонду эмирата Абу-Даби⁷, куда менее важно, нежели происходящее в крайслеровских башнях-близнецах в Дубае – безвкусной подделке, где медиакомпании ежедневно проверяют на прочность границы свободы прессы в арабском мире. Пускай в Венеции и Нью-Йорке, в уюте благополучных развитых демократий, жить и проще, но судьба мира в XXI веке будет решаться в таких городах, как Мумбай и Дубай.

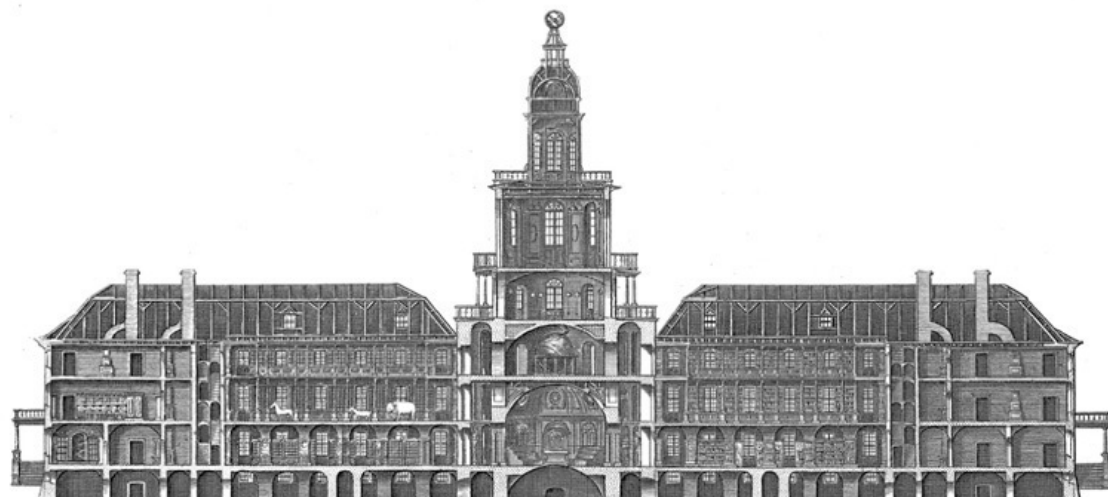
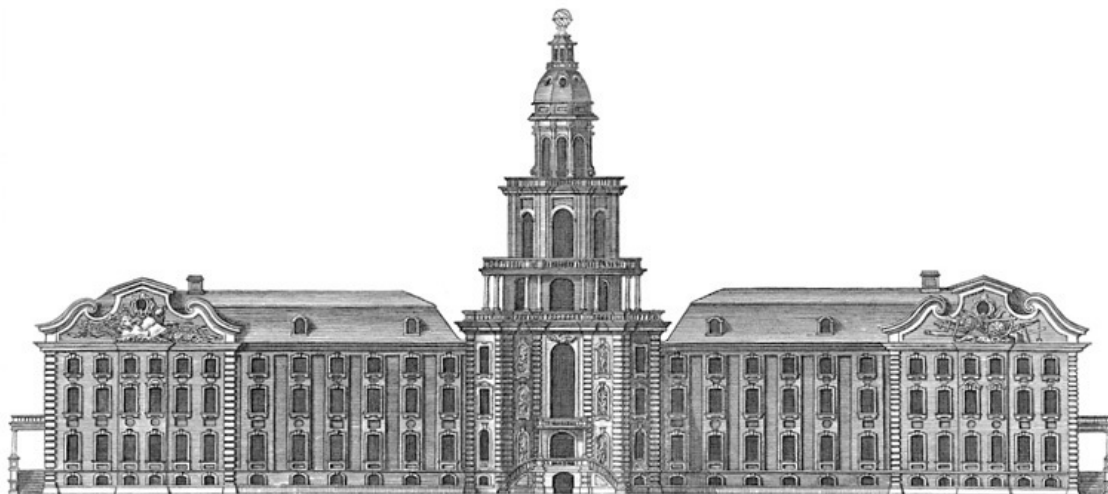
Чтобы как следует сориентироваться в новом веке и ответить на вопрос «Где это мы?» не только в пространственном, но и во временном контексте, историю петербургов и шанхаев мира нам нужно знать так же хорошо, как историю лондонов и нью-йорков. Каждый шанхайский школьник в курсе, что когда-то здесь была американская колония; то, что большинству американцев этот основополагающий факт китайско-американских отношений остается неизвестным, означает, что в будущее мы идем с завязанными глазами. Раз уж ключевое для XXI века событие произошло триста лет назад, когда Петр Великий, потрясенный Амстердамом, решил

⁷ Bagli C. Abu Dhabi Buys 90% Stake in Chrysler Building // New York Times. 2008. July 10.

построить столицу, которую Достоевский позднее назвал «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре»⁸, то будет правильно отсюда и начать.

⁸ *Достоевский Ф.* Записки из подполья. Гл. 2.

1. Новый амстердам. Санкт-Петербург, 1703–1825

Фасад и разрез здания Кунсткамеры. Гравюра, 1741. © Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). МЛ–890 и МЛ–891

В 1697 году Петр Великий, путешествуя инкогнито, прибыл в Амстердам – самый богатый город мира. Космополитичный мегаполис, покрытый паутиной каналов и застроенный красно-кирпичными домами на вбитых в болотистую почву сваях, был тогда центром мировой торговли. Это был красивый город, семнадцать островов которого связывали пятьсот мостов, но устройство его было продиктовано не только эстетическими соображениями. Форма здесь следовала за функцией, ведь свобода и независимость Голландии проистекали из силы ее торгового флота. Три главных канала, которые голландцы так предусмотрительно прокопали еще в самом начале XVII века, позволяли кораблям швартоваться прямо у купеческих складов, что ускоряло погрузку и разгрузку. Ко времени прибытия Петра Нидерланды могли похвастаться вторым по величине военно-морским флотом мира, а торговых кораблей у них было больше, чем у всех остальных стран вместе взятых⁹. Из-за бесчисленных кораблей, рассекавших гори-

⁹ *Massie R.K. Peter the Great: His Life and World. N.Y.: Ballantine Books, 1980. P. 178–179.*

зонт Амстердама своими мачтами, гавань казалась растущим из моря лесом, предвещавшим несметные богатства, которые как будто били ключом из местной болотистой почвы.

Разгуливая по улицам Амстердама, Петр завидовал богатству голландского города. Он захотел себе такой же. Наделенный практически неограниченной властью и средствами, Петр получил то, что хотел. По возвращении в Россию он построил свой Амстердам и сделал его новой столицей.

По словам одного современного историка архитектуры, «Санкт-Петербург был построен в соответствии с желаниями и по воле одного человека»¹⁰. Другой язвительно замечает, что Петр приказал себе город «как вы или я заказываем обед в ресторане»¹¹. По русской легенде полностью отстроенный Петербург просто свалился с неба прямо на берега Невы. В действительности же молодой царь дал клятву: «Если Господь продлит мои дни... быть Петербургу вторым Амстердамом»¹².

В Амстердаме Петр оказался, когда ему было двадцать пять, однако его страстное увлечение всем европейским началось еще в отрочестве. Его первым окном в Европу была Немецкая слобода в Москве, комфортабельное гетто, где по законам ксенофобской, теократической Руси, в которой был рожден Петр, должны были селиться все иностранцы столицы. По-русски немцами называли тогда любых иностранцев, а не только выходцев из Германии; это слово исходно значило «немой» – тот, кто молчит, потому что по-нашему не понимает. Немецкая слобода была островком Западной Европы всего в пяти километрах от Кремля, где рос Петр. 3 тысячи поселенцев, среди которых преобладали британцы, французы, немцы и голландцы, принесли с собой свою моду и архитектуру. В отличие от Москвы с ее извилистыми закоулками, где вкривь и вкось поставленные избы смотрели на улицу конюшнями и кухнями, отчего столица казалась гигантской деревней, Немецкую слободу составляли прямые, широкие, засаженные деревьями улицы с аккуратными кирпичными фасадами двух-трехэтажных домов. Почти у каждого из них были колонны и внутренний дворик с фонтаном. Чтобы не утратить связи с родиной и быть в курсе последних событий и технических новшеств, поселенцы регулярно получали из Европы газеты и книги. В Москве же за весь XVII век напечатали меньше десяти книг светского содержания и ни одной газеты¹³. Юношей Петр часто заходил в местные таверны и разговаривал с иностранцами, стараясь научиться смотреть на Россию и все ее недостатки их глазами. Вскоре он уже завозил в страну иностранных специалистов, владеющих последними западными технологиями. В 1691 году двадцать корабелов со знаменитых замских верфей в Голландии отправились по его приглашению работать на Плещеево озеро недалеко от Москвы.

В конце концов визиты в Немецкую слободу уже не могли удовлетворить его интереса к Западу. Петр хотел увидеть Европу своими глазами. По старинным обычаям у царя был только один способ посмотреть чужие края – военный поход. За всю русскую историю мирно съездил на Запад один-единственный князь, и было это в 1075 году. Когда 6 декабря 1696 года Петр объявил о своем намерении, боярская дума пришла в ужас. На это царь мудро возразил, что путешествие в Европу необходимо, чтобы освоить ее технологии, а потом с их помощью ее завоевать. Позднее сам Петр подытожит: «Европа нужна нам всего лишь на несколько десятков лет, а после того мы можем повернуться к ней жопой»¹⁴. Воровать технологии он отправился не как Петр I, царь всея Руси, а как Петр Михайлов, простой русский плотник, желающий научиться корабельному ремеслу. Для пущей достоверности Петр взял с собой в полтораго-

¹⁰ Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 173.

¹¹ См: фильм «Hermitage – a Russian Odyssey: Catherine the Great – a Lust for Art». WETA-TV, PBS, Washington DC, 1994.

¹² George A. St. Petersburg: Russia's Window to the Future – the First Three Centuries. Lanham, MD: Taylor Trade Publishing, 2003. P. 41.

¹³ Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT: Yale University Press, 1998. P. 5.

¹⁴ Volkov S. St. Petersburg: A Cultural History. N.Y.: Free Press, 1995. P. 10.

лично «Великое посольство», как впоследствии стало называться это путешествие, рекомендательное письмо от самого царя, который якобы остался в Москве. Своей состоявшей из 250 человек свите он дал понять, что любого, кто раскроет иностранцам его секрет, он казнит на месте. Царь даже придумал себе нецарскую печать: корабельный плотник с плотницкими орудиями по бокам и надписью: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» («Я ученик, и мне нужны учителя»)¹⁵.

Больше всего Петр желал посмотреть Голландию – крошечную страну с населением всего в два миллиона, которая была самой богатой и технически продвинутой нацией Европы. Все сокровища мира – французские вина, норвежский строевой лес, индийские пряности – проходили через голландские порты и торговые дома, на чем и богатела страна. Именно голландцы первыми в мире додумались, что в глобальной экономике больше всего прибыли получают не производители, но посредники и торговцы. Пока их соседи делали товары, они делали деньги.

В Нидерландах местный знакомец Петра, у которого были дела с Голландской Ост-Индской компанией, устроил ему четырехмесячную стажировку на ее знаменитых верфях. Голландская Ост-Индская компания была не просто торговой фирмой: учрежденная государством и финансируемая частным акционерным капиталом корпорация занималась завоеванием мира. Ост-Индская компания, получившая монополию на голландскую торговлю с Азией, имела значительно больше полномочий, чем импорт и экспорт. Она могла основывать колонии, вести межгосударственные переговоры, чеканить монету, собирать налоги и даже вступать в войну.

Мощь этой компании зиждилась прежде всего на технологиях: в Зандаме она сооружала огромные корабли, настоящие плавучие города, и отправляла их в самые отдаленные уголки мира. Именно на этих верфях и работал Петр Великий, обучаясь последним судостроительным технологиям как настоящий корабельный подмастерье. Человек, в личном владении которого находилась одна шестая часть суши, жил в крошечном деревянном домике, сам заправлял свою кровать, сам готовил скромную пищу и к восходу с радостью являлся на работу с топором и рубанком. Одевался он как подобает голландскому плотнику: фетровая треуголка, широкие свободные штаны, красный камзол без воротника. По окончании обучения мастер выдал ему патент, гласивший: «Питер участвовал в строительстве стофутового фрегата “Петр и Павел” с закладки до спуска и показал себя плотником умелым и дельным. Кроме того, под моим руководством он подробно изучил корабельную архитектуру и чертежное дело, в коих, по моему разумению, преуспел и ремесла эти освоил»¹⁶.

Несмотря на занятость на верфях, близлежащая столица влекла Петра, и он часто бродил по ее кварталам. В высоких изящных домах вдоль засаженных деревьями улиц и каналов жили амстердамские дельцы, управлявшие банками и страховыми компаниями, которые обслуживали Ост-Индскую компанию. Знаменитый своей терпимостью Амстердам дал приют испанским евреям и французским протестантам, подвергавшимся преследованиям на родине. Образованные и практичные горожане сами управляли своим обществом – это была не монархия, а республика.

Однако демократия Петра не интересовала, его увлекали технологии. Один день он посвятил изучению книгопечатания, наблюдая за работой типографского пресса с подвижными литерами, после чего приказал своей свите купить и отправить такой же в Россию. В другой раз отправился на лекцию по анатомии и наблюдал, как голландский профессор вскрывает человеческое тело, подробно разбирая систему артерий и вен, по которым циркулирует кровь. В Делфте он посетил Антона ван Левенгука, чтобы посмотреть его выдающееся изобретение – микроскоп. С помощью своего хитроумного оптического прибора Левенгук среди

¹⁵ Troyat H. Peter the Great / Trans. by J. Pinkham. N.Y.: E.P. Dutton, 1989. P. 90.

¹⁶ Troyat H. Op. cit. P. 100.

прочего изучал и собственную сперму, применяя научный метод для выяснения священных прежде тайн продолжения человеческого рода.

Петр всегда мыслил как инженер, технар, самоделкин. Но в Голландии он даже людей стал воспринимать как машины. Подобно машинам, люди состоят из таких сложных, но в конечном итоге рациональных компонентов, как системы кровообращения и репродукции. И как в любой машине, изменение вводных данных приводит к изменению результата. Петр испытал это на себе: поменяв скипетр на треуголку, а золотой кафтан на штаны до колен, он из русского царя стал голландским плотником. И хотя начиналось это как маскарад, в какой-то момент многомесячной работы на верфи фетровая треуголка и красный камзол из костюма стали частью его самого. К концу он и вправду стал плотником. У него и патент имелся.

В своих прогулках по Амстердаму Петр также пришел к заключению, что не только мода, определяющая наш внешний вид, но и архитектурная мода, определяющая вид наших городов, влияет на становление людей. Это тоже вводные данные, которые можно менять. Таким образом, Амстердам был подобен фабрике по производству современных людей. Живя в Амстердаме, толкаясь на его людных улицах, пересекая каналы, встречая людей всевозможных вероисповеданий со всех концов света, человек сам собой становился более космополитичным, технически подкованным, современным. Подобно тому как на хорошо спроектированной лесопилке бревна превращаются в годные для строительства единообразные доски, так и правильно устроенный город может даже самых неотесанных варваров превратить в цивилизованных мужчин и женщин. Если человеческое общество – это рациональная система, то социальные изменения – это чисто инженерная задача.

Просто перевезти новые технологии и специалистов на свою подмосковную верфь было недостаточно. Петр задумал построить кузницу современности: новую столицу России по образу и подобию Амстердама, где он заставит своих подданных одеваться и вести себя по-европейски. Он решил не просто завезти к себе западные технологии, он решил импортировать Европу.

При этом Петр собирался сам решать, какие именно аспекты европейского уклада он хочет импортировать. Республиканские установления голландцев, по его мнению, для России не годились. Когда Петр собрался казнить двух своих придворных по обвинению в измене, его любезные хозяева сообщили к тому моменту уже не особо скрывавшему свое положение царю, что в Голландской республике действует принцип верховенства права и казнить можно только по решению суда. Как добрый гость, царь смилиостивился, но ограничения его Богом данной власти произвели на него глубокое и неприятное впечатление. Спустя несколько недель Петр был в Лондоне, где осведомленный о его подлинном титуле король Вильгельм III пригласил царя на заседание парламента. Слушая с балкона, как члены палаты лордов задавали королю неудобные вопросы – Славная революция 1688 года возвела Вильгельма на трон при условии, что он подпишет ограничивающий его власть Билль о правах, – Петр заметил свите, что получать такие прямые, честные советы монарху, конечно, полезно, но сама мысль, что советы подданных могут стать для него обязательными к исполнению, кажется ему кощунственной. Это, уверил он придворных, ни за что не приживется в России.

В России самодержец мог менять все, что ему заблагорассудится, – вплоть до географии страны. Из своего голландского опыта Петр сделал вывод, что именно близость моря, открывавшего путь торговле и международному обмену, сделала Нидерланды современной державой. Точно так же российская отсталость объяснялась для него географическим положением – отсутствием удобного морского порта. Если все дело было в географии, самодержец мог просто приказать ее изменить. Чтобы получить выход к морю, Петр задумал довести боеспособность своей армии до современного уровня и завоевать обращенный к Европе порт в дельте Невы. Шведам, которым принадлежала эта территория, оставалось только подвинуться.

Когда в 1698 году Петр вернулся в Москву, он уже планировал новую столицу, но строить ее пока было негде. Отсутствие выхода к морю, однако, не мешало ему начать осуществлять свои планы: заставить подданных выглядеть по-европейски можно было уже сейчас. В первый же день по возвращении Петр собрал придворных в загородном дворце и, в соответствии с европейской модой, лично отстриг бороды и усы своим боярам. После этого он приказал держать бороды на всех московских заставах. С тех пор все приезжавшие в столицу дворяне и бояре проходили обязательную процедуру бритья, и только после этого их пускали в город.

Бороды были только началом. На первом же царском пиру, который Петр дал в Москве, самодержец появился с ножницами и один за другим укоротил длинные рукава боярских кафтанов. «Они вам только мешают, – увещевал он бояр. – То кубок опрокинете, то в соус по забывчивости своей окунете»¹⁷. Однако длинные рукава беспокоили Петра далеко не только как возможная причина боярской неопрятности за царским столом; непрактичность такого кроя символизировала все недостатки избалованной русской элиты. России нужны были новые лидеры, способные учиться на практике, как Петр на голландских верфях.

Ко времени воцарения Петра в руках династии Романовых сосредоточилась абсолютная самодержавная власть, поэтому неудивительно, что бояре полагали участие в роскошной, обильно напитанной алкоголем придворной жизни своей единственной столичной обязанностью. Царь (или «император», как позже стал величать себя равнодушный к античным аллюзиям Петр) являлся непосредственным владельцем всех российских земель. Бояре же были хранителями выделенных им участков его собственности, включая живших на этих землях крепостных крестьян, которых можно было передавать от хозяина к хозяину и из поместья в поместье без их согласия. Не собираясь дать боярам ограничить его власть, Петр все же считал, что их атрофирующимся от безделья способностям можно найти какое-то применение. Он учредил Табель о рангах для военных и статских чинов, в соответствии с которой люди благородного происхождения – а также иностранцы и даже способные, но не знатные подданные царя – могли продвигаться по службе, доказывая свою состоятельность на экзаменах или получая повышения за выслугу лет. Вводя Табель о рангах, Петр хотел привнести в русскую жизнь меритократические ценности, присущие деловым кругам Амстердама, – но в пределах, безопасных для существующей системы наследственной власти, оставлявшей за ним последнее слово.

По тем же причинам Петр хотел снизить влияние церкви. Все в православии виделось ему устаревшим. Церкви строились по византийским канонам, тогда как саму Византию, когда-то оплот православия, турки стерли с карты мира еще в 1453 году. (Знаменитые луковичные главы русских церквей появились из необходимости приспособить высокий архитектурный стиль Малой Азии к северным зимам: снег, не скапливаясь, съезжал с них вниз.) Русские иконописцы стремились сохранить верность заветам средневековых византийцев, изображая статичные сцены из житий отрешенных от мира древних святых. В то же время в тысяче километров к западу – и, кажется, на тысячу лет впереди московской Руси – европейские живописцы учились максимально правдоподобно изображать окружающий их мир, прославляя новые завоевания всемирной торговли в драматических морских пейзажах, поразивших воображение Петра еще в Амстердаме. Вернувшись, Петр успешно провел реформу, в результате которой церковь стала подчиняться непосредственно государю, однако свободу вероисповедания, которой пользовались амстердамцы, вводить не стал, опасаясь реакции. Даже в своей новой столице он провозгласит терпимость только по отношению к христианским конфессиям. Иудеям, мусульманам и представителям других религий требовалось специальное разрешение, чтобы поселиться в городе.

¹⁷ George A. Op. cit. P. 9.

Пожалуй, самым ярким примером петровской управляемой модернизации стало введение периодической печати. Когда в 1702 году на типографских станках, привезенных Петром из Европы с мыслью о необходимости включиться в начатую еще Гутенбергом информационную революцию, в Москве была отпечатана первая русская газета, ее редактором и цензором был поначалу сам царь. Пресса играла важную роль в модернизации страны, но о подлинной свободе печати никто даже не мечтал.

Пока Петр занимался переустройством московского общества, его армия приступила к задуманному им пересмотру российских границ. В 1703 году русские отвоевали у шведов небольшую крепость в устье Невы, где река впадает в Финский залив. Там Петр и задумал построить свою новую столицу. Тот факт, что земля эта плохо подходила для большого города, его как будто не беспокоил. Дельта Невы находилась в приарктических болотах (Нева по-фински и означает «болото»). Регулярным паводкам и наводнениям, отсутствию надежных источников свежей воды и нехватке строительного леса здесь сопутствовали вездесущие инфекции летом и суровые морозы длившейся полгода зимы. У этой точки было только одно преимущество: местный порт был обращен не к континентальной России, но к Западу, к современному миру. По Неве корабли попадали в Финский залив, оттуда в Балтийское море, далее мимо Дании в Северное, а затем могли причалить в гавани любого из величайших западноевропейских городов: Лондона, Парижа, а главное – Амстердама.

Первый камень новой столицы был заложен вечером 29 июня 1703 года, в разгар белых ночей по астрономическому календарю и в праздник святого Петра по церковному, в годовщину того дня, когда будущего царя крестили, дав ему имя в честь хранителя ключей от Царствия Небесного. В тот же день город был назван *Sankt Pieter Burkh*, что по-голландски означает «Город святого Петра». Русское название противоречило бы самому назначению новой русской столицы.

За строительством нового города Петр наблюдал из одноэтажной бревенчатой избы, которую сам же помог выстроить на берегу Невы. Как и в бытность свою учеником на верфях Голландской Ост-Индской компании, один из самых богатых и могущественных людей в мире не боялся черной работы и жил в деревенском доме, где, встав в полный рост, он едва не упирался головой в потолок. Петр распорядился, чтобы его трехкомнатная изба снаружи была сделана похожей на красно-кирпичный амстердамский дом. Поскольку кирпичей в наличии не было, бревна стесали и выкрасили под кирпичную кладку. Символом нового курса столицы стал возвышающийся над Петропавловской крепостью – первым реализованным в Петербурге проектом – позолоченный шпиль одноименного собора. Дело было не только в том, что собор больше походил на северо-европейскую протестантскую кирху, нежели на традиционную православную церковь с ее луковками, – у петропавловской иглы было и сугубо светское назначение: она служила ориентиром для прибывающих с запада кораблей.

Несмотря на все прилежное имитаторство, между петровской копией и голландским оригиналом были и существенные различия. Если Амстердам манил приезжих веротерпимостью, обилием работы и перспективой благосостояния, население Петербурга росло по царскому указу. Петр приказал боярам, а также купцам и опытным ремесленникам переселиться в новую столицу вместе с семьями. Хотя многие сомневались в здравом уме царя, затеявшего новую столицу в приарктических широтах, оспаривать высочайшее повеление не имело смысла. Заартачившегося было князя Голицына привезли из Москвы в Петербург в оковах.

Если в Западной Европе крепостная зависимость исчезла еще несколько столетий назад и современные города возводились оплачиваемым трудом строителей и ремесленников, петровскую столицу бесплатно строили крепостные. В 1704 году Петр приказал боярам присылать ему в год по 40 тысяч крестьян, каждый из которых исполнял полугодичную строительную повинность. Их силами в Петербурге забивались сваи в фундаменты, рылись каналы, строились дворцы. В период белых ночей крепостные посменно работали чуть ни круглые сутки – с пяти

утра до десяти вечера¹⁸. Несмотря на свое увлечение технологиями, Петр не стал импортировать с Запада даже простейшие устройства, которые могли облегчить труд этих несчастных. Россия не знала тачек: когда в европейском путешествии Петр со свитой впервые увидели это диковинное приспособление, они принялись катать друг друга наперегонки, изувечив хозяйский газон. Но, вместо того чтобы использовать тачки, петровские крепостные носили болотистый грунт из котлованов новой столицы в подолах собственных рубах. Даже лопат хватало не на всех, поэтому многим приходилось рыть землю палками и руками. Неудивительно, что Петербург стал известен как «город, построенный на костях». Сам царь не без гордости говорил, что строительство его города стоило 100 тысяч жизней¹⁹.

Если простому народу предстояло еще полтора века страдать от деспотичной феодальной системы, то знать должна была осовремениваться в срочном порядке. Одев бояр в современную одежду, Петр пожелал заставить их вести современную жизнь. Ходить пешком, ездить верхом или в каретах – это все было старо; нынче все должны были ходить под парусом.

Чтобы поскорее превратить неотесанных провинциалов в космополитичных мореплавателей, Петр решил заменить петербургские улицы на каналы, переплюнув в этом смысле даже Амстердам. Он запретил строить в городе мосты. Для простого народа были организованы паромы, а знати бесплатно выдавались шхуны, размер которых соответствовал рангу. Пользование веслами считалось жульничеством, ведь на веслах можно плавать, не освоив современных достижений физики и метеорологии, необходимых для хождения под парусом. (Чтобы избежать тягостей антивесельного законодательства, иностранным вельможам приходилось пользоваться своим дипломатическим иммунитетом.) Увы, каналы быстро заиливались, а на зиму и вовсе замерзали, поэтому план Петра провалился. В 1711 году царь уступил, разрешив строительство постоянных переправ; возможно, он находил утешение в том, что украшенная множеством мостов русская столица стала еще больше походить на Амстердам.

Хотя транспортную концепцию Петра реализовать не удалось, его архитектурные планы воплощались с безоговорочным успехом. Как уже повелось, Петр сперва освоил последние достижения Запада, а затем применил их в масштабах, о которых европейцы могли только мечтать. Царь постоянно требовал от своих посланников в Амстердаме и Риме присылать ему «архитектурные книги, по которым искусство это можно изучать с самых азов»²⁰. Царю были нужны «новые и лучшие архитектурные книги (лучше по-латыни, но если не найдется, стодятся на любом другом)». В итоге около одной пятой его громадной коллекции иностранных изданий составляли книги по архитектуре и строительству.

Помимо книг, Петр импортировал людей. На строительство новой столицы из Западной Европы были выписаны сотни архитекторов и мастеров, а затем и сотни специалистов, требуемых, чтобы укомплектовать только что построенные учреждения²¹. Первым главным архитектором Петербурга стал Доменико Трезини, швейцарец, начавший карьеру в датском Копенгагене. Трезини прибыл в город в 1703 году и прожил там всю оставшуюся жизнь, став близким другом царя.

Больше всего на облик Петербурга повлияло не какое-то конкретное здание Трезини, а типовые проекты «образцовых домов», заказанные ему Петром для того, чтобы придать новому городу целостный вид. Для простых подданных, или «подлых» (то есть податных, платящих налоги), Трезини сочинил одноэтажный дом с тремя окнами на равном расстоянии друг от друга и входной дверью сбоку от центра фасада. «Зажиточным» досталось более величественное двухэтажное строение с центральным входом под мезонином и декоративными

¹⁸ *Massie R.K.* Op. cit. P. 360.

¹⁹ «Hermitage – a Russian Odyssey...».

²⁰ *Cracraft J.* Op. cit. P. 150–151.

²¹ *Massie R.K.* Op. cit. P. 602.

наличниками на окнах. «Именитые» получили трехэтажные палаты с внушительной аркой по центру и несколькими декоративными круглыми окнами в чердачном этаже. Больше всего в этих домах поражает их единообразие. Они разнятся по степени пышности, но базовые элементы у них одни и те же. Все три образцовых проекта увязаны благодаря общей горизонтали окон первого этажа. Больше того, по планировочным нормам, установленным Петром и Трезини, здания, выходящие на улицу или набережную канала, отныне должны были выстраиваться вдоль обязательной для всех «красной линии». По сей день именно эта линия фасадов и окон, простирающаяся до горизонта или плавно изгибающаяся вдоль канала, создает в Петербурге атмосферу всеобъемлющей упорядоченности. У пешеходов – или пассажиров прогулочных катеров – создается ощущение, будто они находятся в идеальном городе, изображенном в ренессансной книге по теории архитектуры.

В некотором смысле в Петербурге и впрямь оказываешься внутри рисунка. Точки схода и идеальные пропорции зданий на иллюстрациях в европейских книгах по архитектуре были результатом идеализации итальянских городов, в которых ренессансные палаццо дополняли римские развалины. Ведущие теоретики архитектуры вроде Андреа Палладио вглядывались в окружавшие их старинные памятники, по крупницам отбирая правила форм и пропорций для зодчих будущего. В Риме теория архитектуры органически произрастала из местной почвы, но в Петербурге она была введена насильно, когда по палладианским правилам, преломленным в петровских указах и образцовых проектах Трезини, построили целый город. Если философия архитектуры шла от частного к общему, Петербург двинулся в обратном направлении – от общего к частному. И в этом смысле он, как гласит расхожая легенда, действительно был построен на небесах и упал оттуда в готовом виде. Поскольку сам город и его новейшие учреждения были основаны на ввезенной с Запада теории, а не на укорененном в местной традиции развитии, то и результаты тут обычно тяготели к двум противоположным крайностям: иногда это были лишённые всякой естественности механические имитации европейских оригиналов, а иногда – самые передовые институты, которые, легко найдя себе место на петербургской *tabula rasa*, в один присест оставляли Запад далеко позади.

Расположенное вниз по реке от Петропавловской крепости здание Двенадцати коллегий Трезини – настоящее чудо своей эпохи. Это протонебоскреб, положенный набок, чей выкрашенный в лососевый цвет полукилометровый фасад тянется до горизонта, как будто двенадцать поставленных в ряд трезиниевских домов для «знатных». Внутри здания, в одном из самых длинных коридоров в мире, кажется, будто у стен и впрямь есть точка схода. Здание таких размеров сложно представить себе в Риме или любой другой западноевропейской столице, где век за веком все новые слои города нарастали один на другом, но на девственной земле Петербурга построить его не составляло проблемы; точно так же расположившееся там учреждение могло обойтись без исторического багажа европейских университетов. Западные университеты возникли как религиозные школы, готовившие юношей к роли священников, и их постепенный разрыв с церковью занял сотни лет. Санкт-Петербургский университет, основанный в 1724 году как светское учебное заведение, давал студентам навыки, нужные им для работы в современном мире. Учредив университет, Петр, как главный архитектор нового общества, осуществил на пустом месте сверхсовременный проект, точно так же как это делал Трезини.

В квартале от здания Двенадцати коллегий Петр построил первый в мире общедоступный музей науки, прибегнув к услугам немецкого архитектора Георга Иоганна Маттарнови, который создал проект идеально симметричного трехэтажного здания с обсерваторией в расположенном посередине куполе. В залах музея, открывшегося в 1728 году и получившего название Кунсткамера («собрание редкостей»), была выставлена петровская коллекция научных диковинок. Посредством Кунсткамеры Петр хотел просвещать тех своих подданных, которым не светило обучение в университете. Музей был бесплатным и каждому посетителю предлагалась

экскурсия. Когда один из советников царя пожаловался, что на его коллекцию уходит слишком большой процент бюджета, царь резко оборвал вельможу. Он положил музею 400 рублей ежегодно, чтобы впредь за просмотр коллекции не только не взимали плату, но и угощали всякого пришедшего чаркой водки и закуской²². В том же здании, что и Кунсткамера, располагалась и новая Академия наук. Хотя все заседавшие там академики были иностранцами, Петр надеялся, что со временем в России появятся свои крупные ученые.

Подобно тому как Трезини создавал типовые проекты домов по европейскому образцу, Петр по европейским образцам устанавливал правила придворной жизни. Он стал устраивать концерты инструментальной музыки, которые были по-прежнему вне закона в теократической Москве. (В русской церкви славить Господа полагалось только человеческим голосом, что привело к созданию богатой традиции православного хорового пения а капелла.) В 1717–1718 годах Петр совершил второе турне по Европе, чтобы встретиться с главами государств, стремившимися заключить союз с набирающей силу на востоке державой. Вернувшись, он учредил новую форму светских собраний по образцу парижских салонов – так называемые ассамблеи, где присутствовали как кавалеры, так и дамы. Вводя новый придворный ритуал особым указом, Петр разработал для него подробный регламент. «Ассамблея – слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, – говорилось в нем. Обстоятельно сказать – вольное в котором доме собрание или съезд... А каким образом эти ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет». Далее подробно разъяснялись все вопросы – кто, что, где, когда и как, – связанные с развлечениями на манер цивилизованных европейцев²³.

Однако письменные руководства по европейскому поведению нужны были все меньше, по мере того как на улицах новой столицы русские стали смешиваться с иностранцами. Создавая военно-морской флот, Петр нанимал европейских офицеров, чтобы они обучали русских курсантов. Петербургскими верфями, на которых к 1715 году работало 10 тысяч человек, управляли в основном голландские, британские и итальянские мастера. Иностранцы жили в районе, известном как Немецкий квартал, немного восточнее Адмиралтейства, чей позолоченный шпиль не уступал высившемуся на другом берегу реки петропавловскому. И хотя выглядел Немецкий квартал примерно так же, как Немецкая слобода в Москве, это были явления совершенно разного порядка. В Москве Немецкая слобода располагалась в нескольких километрах от центра: иностранцев как бы держали в карантине, чтобы они не путались с местными и не развращали их своими чуждыми православия манерами. В Петербурге иностранцы жили в самом сердце города. В соответствии с петровской политикой терпимости ко всем христианским конфессиям в центре вскоре появилось несколько неправославных церквей, в которых даже службы проводились на иностранных языках. От Немецкого квартала начиналась Большая перспектива, позже названная Невским проспектом – прямая улица с многочисленными лавками заморских товаров. По сути, Петр взял любимое им, но маргинализированное московское гетто и, многократно увеличив масштаб, построил на его основе новую столицу России. Со своим космополитизмом, смешением культур и подчеркнута европейской архитектурой Петербург в некотором смысле и был огромной Немецкой слободой.

К 1720-м годам, когда население города составляло уже 40 тысяч²⁴, Петр мог быть доволен своими достижениями. Напряжения и противоречия созданного им города до поры до времени можно было благодушно не замечать. Незадолго до кончины, выступая в Адмиралтействе на церемонии спуска корабля, Петр подвел итог своему правлению: «Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось, лет тридцать тому назад, что мы с вами здесь, у Балтийского

²² George A. Op. cit. P. 74.

²³ George A. Op. cit. P. 82.

²⁴ George A. Op. cit. P. 39.

моря, будем плотничать в одеждах немцев и в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смысленными; что увидим у нас также множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда (по превратности времен) они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились и по всем европейским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши... Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях и будете слушаться без всяких отговорок...²⁵»

Петр умер в 1725 году. Похоронили его под золотым шпилем Петропавловского собора Трезини. При всем своем скепсисе в отношении религии Петр был уверен, что попадет в рай. В 1706 году из еще мало приспособленного для жизни города царь писал одному из своих подчиненных: «С радостью пишу тебе из этого рая. И правда, живем мы здесь прямо на небесах»²⁶.

И все же в неоспоримом успехе нового города коренились и его уязвимые стороны. Как долго станут современные люди, сформированные самим Петербургом с его университетом и естественно-научным музеем, цель которых и состояла в том, чтобы научить горожан думать своей головой, терпеть самодержавие и крепостное право? В век, когда демократия Голландской республики, ограниченная монархия английского короля Вильгельма III и французский абсолютизм Людовика XIV вроде бы на равных боролись за будущее, Петр ради собственного удобства решил, что автократия является характерной чертой современности. Однако со временем становилось все более очевидно, что царизм – форма правления, годная разве только для варварского захолустья, а то и вовсе заслуживающая быть отправленной на свалку истории. Открыв Россию всему миру и пустив корабль государства по быстрым течениям современности, Санкт-Петербург грозил дестабилизировать всю страну.

Более непосредственная угроза исходила от тех, кто считал, что России нечему учиться у Запада и что стране нужны лишь ее традиционные установления и правила. Князь Голицын, которого привезли в новую столицу в цепях, говорил: «Петербург – что гангрена на ноге, которую поскорее надобно отнять, дабы все тело не заразилось»²⁷. С этим мнением соглашался даже собственный сын Петра – Алексей. Вступая в заговор против отца, он клялся единомышленникам при дворе, что, если получит корону, «все станет по старому... Перееду в Москву, а Петербург лишу всех привилегий, и кораблей строить не велю»²⁸. Алексей был приговорен к смертной казни, но в 1718 году умер под пытками, не дождавшись исполнения приговора. Ради спасения своего города царь принес в жертву сына.

После смерти Петра городу стали угрожать новые опасности – на этот раз со стороны тех, кто просто обожал Петербург, но только как источник собственных удовольствий. На пути развития города всегда имелаась эта западня: в обществе, которым управляет человек, наделенный практически неограниченной властью, никуда было не деться от риска, что от высоких устремлений к модернизации проект скатится к удовлетворению царского тщеславия. Петр открыл России современный мир, желая вывести русское общество из застоя, однако другие представители династии и вельможи видели в современных достижениях лишь роскошные игрушки для собственного развлечения. В космополитичном городе возможен культурный прорыв, если живущие бок о бок представители разных народов готовы учиться друг у друга; однако в этой

²⁵ George A. Op. cit. P. 87–88.

²⁶ George A. Op. cit. P. 31.

²⁷ George A. Op. cit. P. 89.

²⁸ Hughes L. Peter the Great: A Biography. New Haven, CT: Yale University Press, 2002. P. 127.

же ситуации нарастает опасность того, что из-за малого количества точек соприкосновения уровень культуры по принципу наименьшего общего знаменателя сведется к китчу.

Зимой 1739/40 года императрица Анна Иоанновна, взошедшая на престол в 1730-м после недолго правивших Екатерины I и Петра II, решила, что петровские верфи, музей и университет – это, конечно, хорошо, но чего по-настоящему не хватает Петербургу, так это самого большого в мире ледяного дворца. Для осуществления проекта был нанят немецкий физик. Стены складывались из ледяных кирпичей стандартного размера, а строительным раствором служила вода, слой которой моментально схватывался на приарктическом морозе. Затем фасад украсили ледяными копиями классических статуй. Тот же немецкий ученый разработал несколько ледяных пушек, которые при помощи настоящего пороха стреляли ледяными ядрами, и ледяного слона, из хобота которого бил семиметровый фонтан, причем по ночам воду там сменяло горящее масло.

Проект был во всех подробностях описан в монографии с чертежами дворца, опубликованной на немецком и французском языках Санкт-Петербургской Академией наук, располагавшейся тогда в Кунсткамере. В абсурдной основательности этой работы заложенные основателем города принципы поставлены с ног на голову. Лучшие европейские умы в самом деле работают в русской столице, но теперь перед ними ставятся мишурные, не имеющие практического смысла задачи, которые они покорно выполняют с присущим ученым педантизмом.

Однако даже когда европейцев нанимали строить ледяные дворцы, делать придворным дамам прически по последней парижской моде или ставить ходульные комедии в франкоязычных театрах, одно только их присутствие меняло неофициальную культуру города, даже когда официальная культура с ее льдом и пламенем балансировала на грани самопародии. По мере того как привечавшая иностранцев российская столица становилась самым пестрым городом Европы, неуклонно росло и количество считавших Петербург своим домом людей, для которых традиционный русский уклад уже не был нормой. Две сестрицы из Ирландии жаловались, что в Петербурге «французов, как саранчи... Учителя танцев, конечно же, французы, как и большинство врачей... а также портные, скорняки, модистки, горничные, повара и продавцы книг»²⁹.

Пусть русские дворяне учили французский, чтобы получать удовольствие от театральных представлений или из желания видеть себя идущими в ногу со временем глобальными русскими (низводя родной язык до диалекта, используемого лишь для распоряжений прислуге), но в итоге они оказались способны читать серьезные книги, изданные в Париже. Мысль, что, налаживая связи с внешним миром, приглашая тысячи иностранных специалистов, обучая образованный класс универсальному тогда французскому, правительство сможет по-прежнему контролировать круг чтения и интересов своих подданных, кажется на удивление спорной. Самая большая угроза для выстроенной Петром Великим зыбкой конструкции в итоге исходила не от открыто выступившего против отца царевича Алексея и не от малообразованной Анны Иоанновны, правившей до своей кончины в 1740 году, но от одной из самых пламенных поборниц его проекта Екатерины II – немецкой принцессы, которая, став женой Петра III (внука Петра I), сместила его с императорского трона.

Заняв Зимний дворец, главную царскую резиденцию в самом сердце столицы, которую построил для Анны мастер барокко Бартоломео Растрелли, сын итальянского скульптора, приглашенного в Петербург еще Петром Великим, Екатерина принялась за обновление его интерьеров. Любимые Анной позолоченные завитушки она зал за залом заменила на скромные гранитные колонны дорического ордера, которые должны были обозначить связь ее правления и ее столицы с колыбелью западной цивилизации – древней Грецией.

²⁹ *Gorbatov I. Catherine the Great and the French Philosophers of the Enlightenment. Bethesda, MD: Academica Press, 2006. P. 15–16.*

Приведя дворец в соответствие со своим более высоким и сдержанным вкусом, Екатерина затеяла амбициозную программу благоустройства Петербурга и остановиться уже не смогла. «Чем больше строишь, тем больше хочется, – позднее признавалась она. – Это похоже на пристрастие к выпивке»³⁰. Екатерина изменила высотный регламент Петербурга, чтобы вместить растущее население, к началу ее правления достигшее 100 тысяч³¹. При ней замостили центральные улицы, а уличные фонари стали привычным делом. Речка Кривуша, огибавшая центр города по дуге на расстоянии полутора километров от Зимнего дворца, была превращена в Екатерининский канал. Чтобы он был достоин носить имя императрицы, канал заключили в величественные гранитные набережные: к воде теперь спускались изящные каменные лестницы, а по всей его длине на равном расстоянии были вбиты железные швартовные кольца. Вскоре в знаковые для екатерининской эпохи набережные оделись все реки и каналы города, став символом человеческого гения, укротившего дикую природу. Приглашенный императрицей архитектор Джакомо Кваренги, приверженец точной палладианской симметрии, осуществил в Петербурге десятки прославленных проектов, среди которых и Смольный институт благородных девиц, передовое для своего времени женское образовательное учреждение.

Рядом с Зимним дворцом Екатерина повелела Кваренги построить театральное здание, интерьер которого был навеян палладиевским театром «Олимпико» в итальянской Виченце. В зал, где наряду с пьесами ведущих европейских драматургов ставили и сочинения самой Екатерины, пускали только по высочайшему приглашению.

Заборами взыскательной императрицы Зимний дворец стал храмом изящных искусств и литературы. Сюда свозились лучшие в мире полотна, съезжались величайшие умы эпохи. Считая себя просвещенной властительницей, Екатерина видела своим долгом выслушивать советы иностранных экспертов – даваемые опять-таки только по ее приглашению, – чтобы наиболее подходящие применить потом в приказном порядке по всей империи. Внутри Зимнего дворца велась открытая дискуссия, тогда как за его стенами царило полное единомыслие. Гордыня привела Петра к созданию современного мира в рамках одного города, но Екатерина превзошла его, создав современный мир в отдельном здании. Как великий куратор она желала собирать в своем дворце все самое лучшее в мире и, взвесив достоинства и недостатки каждого образца, что-то отвергать, а что-то оставлять себе.

Ее коллекционирование началось с искусства. Еще в отрочестве не по годам развитая принцесса выписывала рукописный журнал Дени Дидро «Письма о литературе и искусстве», где публиковались последние новости и сплетни Парижа – европейской культурной столицы того времени. В начале своего правления она наняла Дидро, человека, который знал художественный мир Парижа как никто другой, в качестве личного советника. Находясь в центре событий, он сообщал ей о продаже крупнейших коллекций. Екатерина покупала, покупала еще и снова покупала. Она собирала работы самых модных тогда мастеров – Рембрандта, Рубенса, Пуссена. Нашлось место в ее коллекции и ренессансным шедеврам Рафаэля и Микеланджело. За тридцать лет, в течение которых картины целыми партиями закупались на аукционах Лондона и Парижа и морем доставлялись в Петербург, Екатерине удалось стать обладательницей коллекции из 4 тысяч картин³², которая могла поспорить с хранившимся в Лувре собранием французских королей, на создание которого ушло более четырех столетий. Чтобы просто разместить все приобретенные работы, Екатерине пришлось пристроить к Зимнему дворцу здания Малого и Большого эрмитажа.

³⁰ *Lincoln W.B. Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia. N.Y.: Basic Books, 2002. P. 45–46.*

³¹ *Lincoln W.B. Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia. N.Y.: Basic Books, 2002. P. 42.*

³² *Dianina K. Art and Authority: The Hermitage of Catherine the Great // Russian Review. 2004. 63. P. 632–633.*

Поскольку свою цель Екатерина видела в перенесении Запада на русскую почву, за все это время она приняла в свою коллекцию лишь две картины отечественных художников³³. В главной галерее страны практически не было русского искусства, как в величайшем городе России почти не было русской архитектуры. Сама Екатерина очень гордилась своими трофеями, но ей ни разу не пришел в голову вопрос, должен ее народ гордиться, что одна из величайших коллекций искусства собрана в России, или же стыдиться, что коллекция эта почти сплошь иностранная.

Если купить что-то не представлялось возможным, Екатерина безо всяких сомнений делала копии. Она мечтала обладать лоджиями Рафаэля – но длинный коридор Ватиканского дворца, расписанный великим ренессансным мастером, как это ни печально, не продавался. Тогда Екатерина велела своему придворному архитектору Джакомо Кваренги построить ей точно такой же. Кваренги, в свою очередь, нанял австрийского художника, чтобы тот скопировал на холсты рафаэлевские росписи и отправил их в Петербург. Вся «Библия Рафаэля» была точнейшим образом повторена, причем единственными отличиями от ватиканского варианта стали портрет Рафаэля, русский двуглавый орел и вензель Екатерины II вместо гербов рода Медичи и папы Льва X на центральной панели. С их чередой арок, сходящихся вдалеке почти в одну точку, и полусотней копий величайших западных шедевров лоджии были квинтэссенцией Петербурга – потрясающее великолепие пополам с болезненными амбициями.

Безогляднее всего Екатерина испытывала судьбу, приглашая к себе во дворец западных философов, мечтавших о мире без рабов и монархов. Тогда как Петр импортировал ученых, способных помочь ему в модернизации русской промышленности и транспорта, Екатерина ввозила социальных и политических мыслителей. Она делала это в уверенности, что может, ничем не рискуя, просить их частного совета о том, как модернизировать общество. Первой целью Екатерины стал самый знаменитый интеллектуал Европы – Вольтер. Императрица снискала расположение французского философа, предложив ему напечатать в Петербурге радикальную «Энциклопедию», публикация которой была приостановлена консервативными властями Парижа. Французские цензоры были недовольны статьями самого Вольтера и его соавторов на такие острополитические темы, как «права», «свобода» и «равенство». Впечатленный этим жестом, великий остроумец в ответ порадовал Екатерину, послав ей только что вышедший из печати очередной том своей восторженной «Истории Российской империи при Петре Великом». Вольтера завораживала история петровских реформ и созданная царем прекрасная столица; он восхищался тем, что «стольких людей [Петр] приобщил к цивилизации... и сделал полезными для общества»³⁴. Для Вольтера правление Петра Великого в России было лучшей экспериментальной проверкой социальной теории Просвещения. Вольтер и другие деятели эпохи считали, что стоит людям освободиться от религиозных предрассудков и довериться науке, как они смогут творить чудеса на земле. (В своем эссе 1784 года «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» немецкий философ Иммануил Кант определил это понятие как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине... причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого» и предложил латинское изречение «*Sapere Aude!*» («Дерзай знать!») в качестве «девиза Просвещения»³⁵.)

Полное юношеской любознательности путешествие Петра по Европе было для Вольтера воплощением научного духа Просвещения. Вместо того чтобы слушать предвзятые рассказы бородатых попов о западных безбожниках, Петр захотел увидеть все своими глазами, а по воз-

³³ *Dianina K. Art and Authority: The Hermitage of Catherine the Great // Russian Review. 2004. 63. P. 637.*

³⁴ *Voltaire. The Life of Peter the Great, Emperor of Russia / Trans. by W.F. Fleming. Paris: E.R. DuMont, 1901. P. 12.*

³⁵ *Kant I. Perpetual Peace and Other Essays / Trans. by T. Humphrey. Indianapolis, IN: Hackett Publishing Company, 1983. P. 41 [Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Он же. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25].*

вращении ограничил власть православной церкви и реформировал страну, которую многие европейцы считали безнадежно варварской. В ответ на упреки в непрактичности и фантазерстве, звучавшие в адрес Вольтера и его соратников, он мог указать на Петербург, как будто говоря: «Съездите, посмотрите, потом поговорим».

В итоге Екатерине так и не удалось зазвать Вольтера к себе – в его преклонном возрасте такое путешествие было ему не по силам. Зато после кончины мыслителя она смогла приобрести на аукционе его личную библиотеку. Ее перевезли в Эрмитаж, где за ней присматривал мраморный двойник Вольтера, которого Екатерина заказала французскому скульптору Жан-Антуану Гудону. Его работа, ставшая одним из самых знаменитых экспонатов музея, изображает Вольтера сидящим в кресле, в классическом хитоне, скрывающем его хрупкую фигуру, – 80-летний философ насмешливо смотрит на мир с высоты своего опыта, который не подтвердил, но и не развеял его великих надежд.

С Вольтером ничего не вышло, но в 1773 году императрице удалось привезти в Петербург его соратника – своего парижского арт-консультанта и редактора «Энциклопедии» Дени Дидро. Приглашенный в качестве личного учителя философии ее величества, Дидро фразировал русский двор радикальным эгалитаризмом и исключительно черными нарядами. Несмотря на свои шестьдесят лет, философ был более чем бодр. Особо разгорячившись при обсуждении какого-либо вопроса, он срывал с себя парик и швырял его через всю комнату. Настойчивость в продвижении радикальных политических реформ вскоре изрядно осложнила его положение. Подобно тому как Петербург был когда-то пустым местом на карте, где с нуля построили современный город, вся Россия казалась Дидро «чистым листом», где реформы должны были пойти куда проще, чем в западных странах.

Последней каплей стало предложение Дидро отменить крепостную систему, которую он называл «рабской». Екатерина, чья вера в крепостничество была настолько непоколебимой, что своим фаворитам она дарила крестьян в знак нежной привязанности, ответила, что «рабов» в России нет – только свободные если не телом, то духом крестьяне, прикрепленные к земле, которую они любят. Во время этого разговора в России бушевало крестьянское восстание. Екатерина отправила философа обратно в Европу. «Дорогой господин Дидро, – писала она ему, – я с огромным удовольствием выслушала все, что подсказывал вам ваш блестящий ум; но с вашими великими принципами, которые мне очень понятны, можно написать прекрасные книги и натворить дурных дел. В ваших планах реформ вы забываете разницу в наших положениях: вы работаете над бумагой, которая все стерпит, она такая гладкая, гибкая, не оказывает никакого сопротивления вашему воображению, а я, бедная императрица, должна работать над шкурой человеческой, а она очень и очень способна чувствовать и возмущаться»³⁶. Однако за дворцовыми стенами все большему числу русских сложившееся положение казалось верхом унижения. Мало того что императрица просит совета у иностранцев, хотя по расчетам Петра Великого Россия должна была уже давно «вернуться к Европе жопой», так еще когда они ей советуют дать русскому народу больше свобод, Екатерина отказывается их слушать.

Свободно говорить с императрицей дозволялось только особо доверенным русским, и то лишь по ночам. Тщательно отобранные Екатериной гости созывались в рамках традиции петровских ассамблей. Для этого своего подражания парижскому салону Екатерина сама сочинила устав, приказав повесить его на дверях особого флигеля Зимнего дворца, построенного одним из ее любимых французских архитекторов. В соответствии с веяниями Просвещения она настаивала на полном равенстве между гостями. Первое правило гласило: «Оставить все чины вне дверей, равномерно и шляпы, а наипаче шпаги»; второе: «Местничество и спесь или тому что-либо подобное, когда бы то ни случилось, оставить у дверей». Екатерина установила и наказания нарушителям. Строже всего каралось неисполнение последнего правила – «Сору

³⁶ *Troyat H. Catherine the Great / Trans. by J. Pinkham. N.Y.: E.P. Dutton, 1980. P. 207.*

из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде, нежели выступит из дверей»: провинившийся навечно лишился права посещать салон императрицы³⁷. Екатерина не сомневалась, что русские способны в течение одной ночи и в стенах одной комнаты общаться друг с другом на равных, а после возвращаться к своим ролям в сверхиерархическом обществе. Она считала, что социальное равенство можно создавать в Зимнем на один вечер и на соседние улицы оно не распространится.

Все изменила Французская революция 1789 года. Французский посол в России записал свои впечатления о том дне, когда новость о взятии Бастилии дошла до космополитичного Петербурга. «Не могу передать радостного возбуждения, охватившего купцов, ремесленников, горожан и некоторых молодых людей из высшего сословия, – писал он. – Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы, все поздравляли и обнимали друг друга, как будто их самих только что освободили от тяжелых оков»³⁸. Вскоре русскую столицу захлестнула мода на радикализм. Повсюду были слышны песни революционной Франции, а одну даму из высшего общества видели в Английском клубе с якобинским колпаком на голове. Хотя главный рупор государства, издаваемая Академией наук газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «Рука дрожит от ужаса при описании событий, в которых люди могли выказать такое неуважение своему правителю и самой человечности»³⁹, сама Екатерина поначалу не слишком волновалась на этот счет. Она объясняла беспорядки «фривольным, взбалмошным характером и врожденной бесшабашностью французов»⁴⁰. Они просто вели себя как настоящие французы. Уж она-то знает этот народ. Сегодня они горячо отстаивают свою философию, называют тебя деспотом, швыряют парик в другой конец залы, а назавтра вы снова лучшие друзья.

Последствия, которые могла иметь для России Французская революция, стали ясны Екатерине, лишь когда в свет вышла книга Александра Николаевича Радищева. Радищев был ярким представителем того слоя глобальных русских, который создала новая столица. В 1766 году Екатерина отправила способного отпрыска благородного провинциального семейства изучать юриспруденцию и философию в немецкий Лейпциг. По возвращении Радищев сделал значительную карьеру на госслужбе, став в итоге главой Санкт-Петербургской таможни – учреждения, которое наиболее осязаемым образом связывало Россию и Запад. В свободное время Радищев переводил работы французских философов, а в оде «Вольность» даже откликнулся в стихах на взволновавшие его события революции в Америке.

Учась в Лейпциге, Радищев впитал ценности Просвещения и стал противником самодержавия. Он пришел к выводу, что институт крепостничества, позволивший построить современную столицу России, изжил себя. В Германии, где он учился, крепостное право ушло в небытие вместе с катапультами и рыцарскими турнирами еще в позднем Средневековье. Свои вольнодумные суждения Радищев изложил в «Путешествии из Петербурга в Москву», опубликованном без указания автора в 1790 году. В форме заметок о поездке по сельским просторам от новой до древней столицы он обрушился на бытующие там крепостнические порядки. Прибегнув к литературному приему найденного документа, Радищев даже предложил свой план освобождения крестьян. Европейские мыслители уже многие десятилетия твердили о необходимости отмены крепостного права, но первым из русских об этом заговорил именно Радищев.

Когда книга попала в руки Екатерине, императрица пришла в ярость. В дошедшем до нас экземпляре ее пометы на полях с каждой страницей все возмущеннее. «Темы поднятые в этой книге, – строчила она, – те же, из-за которых нынче рушится Франция»⁴¹. Екатерина прика-

³⁷ Zinovieff K., Hughes J. Companion Guide to St. Petersburg. Rochester, NY.: Companion Guides, 2003. P. 419.

³⁸ George A. Op. cit. P. 203.

³⁹ Madariaga I. de. Catherine the Great: A Short History. New Haven, CT: Yale University Press, 1990. P. 189.

⁴⁰ Hughes L. The Romanovs. London: Hambledon Continuum, 2008. P. 128.

⁴¹ George A. Op. cit. P. 208.

зала найти и арестовать анонимного автора, а весь тираж книги изъять. Радищева быстро отыскали, задержали, допросили и обвинили в публикации книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный... стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской»⁴². 24 июля 1790 года петербургская Уголовная палата приговорила его к смертной казни. Однако Екатерина, дорожа своим образом просвещенной правительницы, заменила смертный приговор десятилетней ссылкой в Сибирь.

Когда из каземата Петропавловской крепости Радищева должным порядком отправили в Илимский острог, он стал первым в длинном ряду политических диссидентов. Полные надежд на обновление России, они приезжали в столицу, где мечты приводили их за решетку. Петропавловская крепость – первое строение петровской столицы – все мрачнее нависала над городом, по мере того как молва о ее пыточных камерах становилась громче славы позолоченного шпиля собора. Стараниями преданных самодержавию заплечных дел мастеров, пытавшихся загнать обратно в бутылку джинна современности, сооружение, задуманное как маяк русского прогресса, стало символом репрессивной машины.

От года к году Французская революция становилась все радикальнее, переходя от лишения аристократии властных полномочий к физическому ее уничтожению, а взгляды Екатерины соответственно делались все более реакционными, что привело к обрыву многих интеллектуальных связей с Западом, которые она же в свое время и наладила. В 1791 году императрица повелела, чтобы все книжные магазины Петербурга регистрировали каталоги предлагаемых товаров в государственной Академии наук. В 1793-м, узнав о казни короля Франции Людовика XVI, она запретила ввоз и распространение французских изданий, включая и книги Вольтера, чью библиотеку она сама приобрела, и «Энциклопедию», которую ранее предлагала издать. Екатерина разбила бюст Вольтера в галерее Летнего дворца, а скульптуру Гудона сослала на эрмитажный чердак. На склоне лет она отреклась от почитаемых ею когда-то философов, поскольку Французская революция возвела их в ранг святых гуманизма. В письме одному давнему другу она высказала сожаление, что не прислушивалась к предостережениям братьев-монархов, и вспоминала, как «покойный король Пруссии [Фридрих II] говорил, что... цель всех “философов” – ниспровержение европейских престолов, а единственный смысл создания “Энциклопедии” – уничтожение всех королей и религий»⁴³.

В 1796 году Екатерина впервые за время своего правления учредила предварительную цензуру, заодно повелев проверять на границе каждую ввозимую иностранную книгу. В тот же год Екатерина, которая когда-то с таким оптимизмом несла факел просвещения, точно зная, что ее-то он не опалит, скончалась – озлобленной барыней, более не понимающей вышедшего из-под ее контроля мира.

Революция во Франции высветила внутренние противоречия петровского проекта. В это время население Петербурга составляло примерно 200 тысяч, включая 32 тысячи иностранцев⁴⁴. Такой космополитизм столицы делал Россию уязвимой для проникновения с Запада дестабилизирующих идей. Но назревала и другая серьезная, хоть пока и неосознанная проблема: глубокая и потенциально опасная пропасть между современной столицей – этим островком цивилизации в море русского средневековья – и остальной страной. Разрыв между столицей и провинцией не был таким значительным нигде в Европе. В 1790 году, когда европейские страны уже стремительно урбанизировались, более 95 % российского населения оставалось сельским. Грамотных среди мужчин в России было от 2 до 7 % против 47 % во Франции, 68 %

⁴² Madariaga I. de. Op. cit. P. 195.

⁴³ Madariaga I. de. Op. cit. P. 201.

⁴⁴ George A. Op. cit. P. 182–183.

в Британии и 80 % в Пруссии⁴⁵. Даже в обожающем книги Петербурге большинство простого народа оставалось безграмотным⁴⁶, что закладывало в стремящейся к современности столице основу для чудовищного общественного расслоения. Петр и Екатерина доказали скептикам, что образцовую современную столицу можно построить. Но долго ли она продержится?

Петр надеялся, что Россия войдет в современный мир на условиях самого царя: окно в Европу будет пропускать свет науки и технологий, но защитит от ветра политических перемен. В 1812 году в это окно вломилась армия революционной Франции под предводительством Наполеона Бонапарта – военного диктатора, который поднялся на вершину власти в вихре общественных потрясений. Наполеон допустил тактическую ошибку и, прежде чем атаковать административную столицу, Петербург, захватил духовный центр России – Москву. Пока в Москве бушевал пожар, русская армия смогла перегруппироваться и вместе с союзниками в итоге заставила Наполеона отступить на собственную территорию. Петербург война не затронула. В 1814 году русские взяли Париж, и внук Екатерины Александр I проехал на белом жеребце по Елисейским полям. Немногим более века назад Петр Великий обещал своему народу, что воспользовавшись европейскими технологиями, Россия может стать великой державой. Это было убедительное доказательство его правоты: русские победили самую мощную европейскую армию и заняли величайшую столицу континента.

После событий Французской революции подспудно предложенная Петром концепция современной, но не демократической России обрела четкую и недвусмысленную форму. Теперь Александр принял на вооружение новую модель – Римскую империю. Как Рим был когда-то центром величайшей империи древности, так Петербург должен был стать столицей современного колосса, распростершегося от Восточной Европы до Калифорнии. Подобно императорскому Риму, Россия видела себя технически продвинутой автократией. После триумфального возвращения Александра из европейского похода в Петербурге начался строительный бум – император обустроивал свою столицу в новом имперском стиле ампир.

Для сооружения своего Вечного города Александр привлек архитектора Карло Росси, который учился в Риме и смело заявлял, что русским не стоит «бояться сравнения [с римлянами] в величии»⁴⁷. Александр назначил Росси главой «Комиссии по устройению против Зимнего дворца правильной площади», созданной, чтобы превратить пространство перед южным дворцовым фасадом в главный парадный плац столицы. Нужда в таком плацу была немалая. Как писал один из современников: «В тот период [после взятия Парижа]... Александра I больше всего заботили... парады и смотры. В Петербурге парады устраивались по следующим дням: в день Крещения Господня, 13 марта в память о сражении при Фер-Шампенуазе, 19 марта – в день взятия Парижа; майский парад; летний парад 17 августа в память о сражении под Кульмом; осенний и зимний парады. Помимо этого, парады проводились по особым случаям, к примеру – в честь прибытия короля Пруссии в Петербург. Наконец, парады устраивались всякий раз, когда Александр возвращался в столицу из своих многочисленных поездок по России и Европе»⁴⁸.

Чтобы создать приличествующее главному плацу империи обрамление, Росси выстроил с противоположной от Зимнего дворца стороны площади новое здание Главного штаба. Его длина равна протяженности шести футбольных полей. Дабы не нарушать петербургской традиции, Росси сделал фасад абсолютно плоским. Светло-желтое здание полукругом огибает площадь, обозначая ее границы. Единственная яркая декоративная деталь – центральная арка –

⁴⁵ *Ulam A. Russia's Failed Revolutions: From the Decembrists to the Dissidents. N.Y.: Basic Books, 1981. P. 11; Hughes L. Op. cit. P. 119, 122.*

⁴⁶ *George A. Op. cit. P. 193.*

⁴⁷ *Lincoln W.B. Op. cit. P. 112.*

⁴⁸ *Egorov Y. The Architectural Planning of St. Petersburg / Trans. by E. Dluhosch. Athens: Ohio University Press, 1969. P. 121–122.*

служила парадным входом, через который на площадь попадали марширующие по Невскому полки. Арка украшена барельефными изображениями римского оружия, а венчает ее скульптурная композиция ангела победы на колеснице, запряженной шестеркой лошадей. В правой руке ангел держит венок, которым готовится увенчать триумфатора. Когда здание было почти достроено, петербуржцы стали сомневаться, не обрушится ли такой массивный свод. В ответ перед торжественным открытием комплекса Карло Росси, розовощекий толстяк с густыми бакенбардами, решительно забрался на самый верх, чтобы наблюдать оттуда, как рабочие разбирают леса.

Человек по имени Карло Росси (в Италии это примерно то же самое, что Джон Смит), казалось, был предназначен самой судьбой для поставленной перед ним задачи – перестроить Петербург в новый Рим. Он старательно поддерживал свое реноме романтического и пылкого, как оперные герои, итальянца. Однако он не был таким уж итальянцем. Росси родился в Петербурге^[1]; его мать – осевшая в России итальянская балерина, а отец неизвестен, но ходили слухи, будто это был отец Александра император Павел I. Ученик любимого архитектора Павла Винченцо Бренна, на стажировку в Рим Росси отправился, когда ему было уже 26 лет. Вернувшись в разгар Наполеоновских войн, он начал свою карьеру в Москве, а обратно в Петербург перебрался как раз вовремя, чтобы преобразить родной город в фантастическую вариацию на тему столицы своего предполагаемого отечества. Не будучи до конца ни итальянцем, ни русским, Росси был настоящим петербуржцем – типичным порождением города, который создавался усилиями талантливых европейцев, среди которых была и его мать.

Одновременно с представлением о Петербурге как о новом Риме существовало и другое, правда, не имевшее никаких шансов на успех, – видение столицы как глобального города, в архитектуре которого могут отображаться не только лучшие европейские, но и лучшие мировые образцы. Именно так представлял себе Петербург французский архитектор Огюст Рикар де Монферран. Ветеран Великой наполеоновской армии Монферран считал службу русским победителям более перспективной, нежели разбитым соотечественникам, и после войны переселился в Петербург. В честь победы русского императора Монферран поставил у Зимнего дворца Александровскую колонну, которая совсем не случайно оказалась чуть выше Вандомской колонны в Париже. Но главным его проектом стало строительство Исаакиевского собора в западной части задуманного Александром гигантского парадного ансамбля. Чтобы получить этот заказ, Монферран создал целую серию потрясающих акварелей, демонстрирующих царю различные архитектурные стили, которые можно было бы использовать: греческий, римский, ренессансный, византийский, индийский и даже китайский. Такое разнообразие впечатлило императора, однако относительно окончательного выбора у него не было никаких сомнений. Александру нужен был неоклассический собор с большим позолоченным куполом. Во всех европейских столицах такой уже был – собор св. Павла в Лондоне, церковь св. Женеьевы в Париже (ставшая в годы Революции Пантеоном), а главное – собор св. Петра в Риме. Петербург должен был быть, как другие столицы Европы, только лучше. Вопрос решенный: городу нужна новая доминанта – купол.

Недопонимание, возникшее между императором и его архитектором, достойно более пристального взгляда. Когда Монферран приехал из Франции, российская столица произвела на него впечатление глобального города с огромным количеством иностранцев, разноязыким населением и франко-говорящей элитой. Русскость Петербурга – как одна из многих его культурных черт – сообщала ему оттенок восточной экзотики. Почему бы не разнообразить вид такого города лучшими образцами мировой архитектуры? Что мешает построить здесь величественное здание в китайском стиле или индийский храм? Но русские требовали, чтобы Петербург выглядел, как Европа, и Монферран старался соответствовать. В посвященной Исаакиевскому собору книге, которую архитектор опубликовал в 1845 году, – это было внушительных размеров, богато иллюстрированное издание, достойное императорского журнального

столика, – Монферран давал краткий обзор западной культовой архитектуры: начав с древнегреческих и древнееврейских храмов, через шедевры церковного зодчества континента он подспудно преподносил петербургский собор как вершину всей европейской архитектурной традиции. В своем посвящении царю Монферран упомянул все гигантские купола Европы, но даже словом не обмолвился, что когда-то размышлял о строительстве в Петербурге храма в неевропейском стиле⁴⁹.

Наплыв иностранных специалистов из поверженной Франции принес Романовым немалую выгоду, однако оккупация русскими Парижа имела и другие, неожиданные последствия для их режима. Хоть русская армия и завоевала Францию, жизненные ценности парижан вскоре завоевали Петербург.

Представители военной элиты, обучавшиеся в Петербурге, самом многоликом городе Европы, привыкли думать, что у них есть все, что может предложить Запад. Тем сильнее поразили их опыт заграничного похода. При всем военном могуществе русских побежденные европейские общества, казалось, на несколько веков опережали Россию в развитии общественных отношений, образования, экономики и политики. Эти несколько месяцев проведенных в Европе в составе оккупационных войск, стали для русских офицеров неким подобием заграничной стажировки по программе университетского обмена. Они много читали, ходили на лекции. Даже для простых солдат это был незабываемый опыт. «Во время заграничных походов по Германии и Франции наша молодежь ознакомилась с европейской цивилизацией, которая произвела на нее сильнейшее впечатление, – писал русский офицер. – Теперь они могли сравнить все, что видели в Европе, с тем, что на каждом шагу встречается на родине: рабство, в котором прозябает большинство русских людей, жестокое обращение начальников с подчиненными, всяческие злоупотребления властью и вездесущая тирания»⁵⁰. В других воспоминаниях читаем: «Во всей русской армии, от генералов до рядовых, была лишь одна тема для разговоров – как хороша жизнь за границей»⁵¹. Образцово-показательная современная столица их родины казалась теперь гигантских размеров потемкинской деревней.

В 1816 году шесть молодых офицеров императорской гвардии создали тайное общество с целью установить в России конституционное правление. Они считали, что власть в Петербурге должна быть такой же современной, как архитектура и жители. Более того, Петербург заслуживает того, чтобы им управляли петербуржцы: заговорщики планировали удалить иностранных экспертов из российского правительства. Когда Петр Великий приглашал иностранцев, он обещал своему народу, что в будущем русские научатся сами управлять своей страной. Однако прошло больше века, а в царском правительстве по-прежнему было полно иностранцев; некоторые даже толком не говорили по-русски. Офицеры готовы были позаимствовать у европейцев массу приглянувшихся им за границей идей социального и политического устройства, однако восстановление достоинства русских – это дело самих русских, считали они.

Был составлен следующий план: по смерти царя представители тайного общества объявят, что присягать новому царю станут только в том случае, если он упразднит самодержавие и создаст выборный законодательный орган. Полагаться на смену монарха – не самая решительная стратегия преобразований. Когда тайное общество создавалось, Александру I было всего 39 лет и он был совершенно здоров. Однако в 1825 году, во время путешествия по югу России, Александр внезапно заболел. От прописанных докторами слабительного и пиявок ему становилось только хуже. 19 ноября царь скончался. Современные специалисты предполагают, что к смерти привела какая-то тропическая болезнь – скорее всего, тиф или малярия.

⁴⁹ *Montferrand A.R. de. Église Cathédrale de Saint-Isaac. St. Petersburg, Russia: Chez F. Bellizard et Co., 1845. P. 1–4.*

⁵⁰ *George A. Op. cit. P. 259.*

⁵¹ *Sutherland Ch. The Princess of Siberia: The Story of Maria Volkonsky and the Decembrist Exiles. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1984. P. 53.*

Поскольку сыновей у Александра не было, его внезапная кончина привела к кризису. Армия присягнула брату Александра Константину – мало кто знал, что из-за морганатического брака он еще в 1823 году тайно и добровольно отказался от своих притязаний на престол. Младший брат Николай был совсем не прочь взять бразды правления в свои руки, но прежде просил Константина приехать в столицу, чтобы прояснить все сомнения и публично отречься от трона.

Когда 24 ноября известие о кончине государя достигло столицы, тайное общество оказалось вынуждено действовать. Они ждали этого момента почти десять лет, но четкого плана у них не было. Петербургские конспираторы решили прибегнуть к уловке, полагая, что растолковывать неграмотным солдатам политическую философию Просвещения – гиблое дело. (Только один из них, выросший во Франции Сергей Муравьев-Апостол, попытался вразумить своих подчиненных, призывая их к восстанию за «божественную свободу и священную справедливость»⁵².) Вместо того чтобы открыто объявить о своих целях и призвать к созданию республики или конституционной монархии, заговорщики решили выставить Николая узурпатором и поддержать Константина. Зная, что Константин не стремится к власти, они посчитали, что его легче будет вывести из игры и передать власть временному правительству.

13 декабря заговорщики, позднее названные декабристами, узнали, что на следующий день петербургский гарнизон будет присягать Николаю. Рано утром офицеры собрали вверенные им войска и в полном боевом обмундировании выстроили их на плацу перед Исаакиевским собором, вокруг конной статуи Петра Великого, установленной Екатериной II. Но ничего не произошло. Матросы Гвардейского экипажа, которые должны были взять Зимний дворец, просто толпились на улице. По легенде, солдаты, не до конца понимая цель своего выступления, выкрикивали: «Да здравствует Константин и его жена Конституция!»⁵³ Другой сбитый с толку вояка все повторял: «Я всей душой за республику, но кто же будет нашим царем?»⁵⁴

Николай наблюдал за этим смехотворным восстанием не без злорадства. О готовящемся заговоре его предупредили за два дня, и вокруг Сенатской площади были расставлены верные войска. Поначалу он надеялся на бескровный исход, но ранний зимний закат не позволил дальше оттягивать развязку. Николай отдал приказ открыть огонь. По толпе ударили картечью. Когда солдаты, спасая жизнь, побежали через замерзшую Неву, Николай приказал артиллерии стрелять по реке, чтобы вскрыть лед и утопить восставших. По официальным данным погиб 1 271 человек⁵⁵.

За ночь власти постарались скрыть следы восстания. С камней мостовых стирали кровь. Для ускорения процесса начальник городской полиции приказал скидывать трупы в невские проруби. Весной разбухшие тела всплывали по берегам реки. В центре площади медный Петр молча наблюдал, как его величественный проект заходит в тупик: его гранитный пьедестал теперь был обгажен кровью офицеров, которые осуществили его главную мечту, сделав Россию великой европейской державой, но и совершили страшнейшее для него преступление, предав самодержавие.

Памятник, открытый в 1782 году в сотую годовщину его коронации, изображает Петра верхом на вставшем на дыбы скакуне – аллегория просвещенного царя, приручившего дикую Россию. Монумент, прозванный Медным всадником, стал идеальной метафорой града Петра. Его автор – француз Этьен-Морис Фальконе, написавший статью «Скульптура» для «Энциклопедии». Как и всегда в Петербурге, в создании памятника новейшие технологии совмещались со средневековым варварством. Чудо инженерной мысли, эта скульптура имеет всего три

⁵² *Sutherland Ch.* The Princess of Siberia: The Story of Maria Volkonsky and the Decembrist Exiles. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1984. P. 104.

⁵³ *Ulam A.* Op. cit. P. 53.

⁵⁴ *Julicher P.* Renegades, Rebels and Rogues under the Tsars. Jefferson, NC: McFarland, 2003. P. 172.

⁵⁵ *George A.* Op. cit. P. 276.

точки опоры – ноги коня и его хвост; при этом ее постамент высечен из гранитной глыбы весом в 1 500 тонн, которую нашли в восьми верстах от города и, как во времена фараонов, волоком тащили на себе сотни крепостных. Как и подобает месту, где Восток встречается с Западом, надпись на постаменте «Петру Первому Екатерина Вторая» с восточной стороны сделана по-русски, а с западной – на латыни. Как и Вольтер, Фальконе видел в петровском проекте дело вселенской важности. Чтобы подчеркнуть свое отношение, он нарочно одел императора в нечто универсальное, «что мог носить представитель любого народа в любую эпоху»⁵⁶. Философы Просвещения были убеждены, что Петербург подтолкнет Россию к рациональному знанию и прогрессу. Однако зрители до сих пор спорят, рвется конь вперед или пятится назад.

Новый царь решительно укротил непокорного русского коня. Суд над декабристами и последовавшая за ним казнь обозначили начало крупномасштабных репрессий. Какими бы опасными ни были идеи критиковавшего екатерининские порядки Радищева, он был одиноким писакой. Восстание декабристов было организованным заговором. В 1826 году Николай учредил Третье отделение Собственной Его Величества Канцелярии: такое громоздкое название получила простая по сути организация – царская тайная полиция. Третье отделение располагалось в величественном здании на гранитной набережной Фонтанки, откуда Россию начала опутывать шпионская сеть, простиравшаяся от столицы до самых отдаленных уголков империи. Здесь занимались цензурой и перлюстрацией. При Николае I обучение в Петербургском университете сконцентрировалось на технических дисциплинах в ущерб философии и свободным искусствам. Царь закрыл доступ в библиотеку Вольтера в Эрмитаже и жестко ограничил возможности обучения за рубежом, отметив, что русские студенты «возвращаются [из Европы] критиканами»⁵⁷. Николай считал, что, прорубив окно в Европу, Петр совершил большую ошибку, и решил заколотить его наглухо.

⁵⁶ George A. Op. cit. P. 178.

⁵⁷ George A. Op. cit. P. 288.

2. Шлюха Азии. Шанхай, 1842–1911

Бунд в середине 1860-х годов. © Галерея Martyn Gregory, Лондон

Шанхай по-китайски означает «над морем»⁵⁸; считается, что имя городу дал один из императоров монгольской династии XIII века. Император имел в виду географическое положение города, раскинувшегося на высоком берегу реки Хуанпу, притока Янцзы, всего в нескольких километрах от дельты, где Янцзы впадает в Восточно-Китайское море. Но в этом имени отразилась и более глубокая, пусть и менее очевидная суть: находясь на пересечении бесчисленных торговых путей крупнейшего водного пространства планеты, Шанхай царит над Тихим океаном. Если география – это судьба, то город, расположенный в месте, где Янцзы впадает в океан, – у ворот, связывающих с миром десятую часть человечества, – по праву должен быть одним из важнейших мегаполисов планеты.

Едва увидев Шанхай, чиновник британской Ост-Индской компании Хью Линдсэй немедленно оценил его потенциал. Во время первого визита в 1832 году Линдсэй впечатлили сотни джонок, лавировавших по Хуанпу, – некоторые из них приплыли аж из Сиама. В те годы Шанхай являлся провинциальным торговым центром и его 200-тысячное население родом со всех концов Китая теснилось внутри небольшого кольца городских стен, но он вовсе не был той рыбацкой деревушкой, о которой так любили вспоминать склонные к самовосхвалению западные империалисты⁵⁹. Тем не менее Линдсэй совершенно верно подметил, что город может занять куда более важное положение. Огромные пространства Азии, ее население и природные ресурсы таковы, рассуждал он, что Шанхай способен отодвинуть на второй план даже величайшие портовые города Европы – Ливерпуль и Амстердам. «Выгоды, которые иностранцы, и в особенности англичане, могут приобрести от свободной торговли с этим городом, не поддаются исчислению»⁶⁰.

От британского чиновника не укрылась трагическая ирония географии: потенциально величайший портовый город мира располагался в самом обособленном и ксенофобском государстве на планете. Китайская империя не проявляла никакого интереса к торговле с ведущими странами мира. Когда-то китайцы бороздили океаны – еще в начале XV века мореплаватель Чжэн Хэ совершил несколько морских походов до Индии и Ближнего Востока; по сравнению с его флотом, три шхуны Колумба выглядели просто несерьезно. Однако к XVIII столетию империя полностью замкнулась в себе. Не желавшие видеть дальше собственного

⁵⁸ Hauser E.O. Shanghai: City for Sale. N.Y.: Harcourt, Brace, and Company, 1940. P. 7.

⁵⁹ Bergère M.-C. Shanghai: China's Gateway to Modernity / Trans. by J. Lloyd. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. P. 23.

⁶⁰ Hauser E.O. Op. cit. P. 4–5.

носа императоры закрыли самые передовые в мире верфи в Нанкине. Юношей, лучше всех сдавших государственные экзамены, заставляли зубрить канон герметичных конфуцианских текстов, а не отправляли на поиски новых технологий или частей света. В китайской системе толковые братья, сумевшие сдать экзамен, устанавливали правила для тупых братьев, которые вынуждены были зарабатывать себе на жизнь, занимаясь реальным делом. Внутренняя торговля жестко регулировалась императорской бюрократической машиной, а международная почти отсутствовала.

Британия изо всех сил искала новые рынки сбыта своих промышленных товаров, но китайцы ничего не хотели покупать. «У нас есть все, – сообщил император Цяньлун британскому послу, прибывшему к его двору в 1793 году. – Необычные или диковинные предметы не представляют для меня ценности, и я не вижу применения товарам вашей страны. Наша жизнь ничем не напоминает вашу»⁶¹. Единственным товаром, который британцы смогли успешно сбывать в Китае, оказался опиум. Этот наркотик, производившийся в принадлежащей им Индии, вызывает физическую зависимость и разрушает личность пристрастившихся к нему людей.

В начале XIX века те немногие торговые связи, которые император разрешил наладить с Западом, поддерживались через Кантон (ныне Гуанчжоу) в дельте Жемчужной реки, на полторы тысячи километров южнее Шанхая. Кантон издревле был воротами Китая. В Средние века сюда заходили арабские торговые суда. С подъемом Европы сначала португальцы, а затем голландцы, британцы, французы и американцы тоже стали торговать с Китаем через Кантон: сюда везли опиум, отсюда чай.

Европейские торговцы жили в Кантоне под строгим контролем. Поскольку китайцы считали себя единственным цивилизованным народом на земле, императорские законы предписывали пристально следить за иностранцами, чтобы они не развращали местное население своими варварскими нравами. Монопольное право на торговлю с ними принадлежало дюжине назначенных императором китайцев. В обмен на эту привилегию кантонские купцы – известные как гильдия «Гунхан» – обязались контролировать поведение иностранцев и собирать с них таможенные пошлины. Таким образом, даже просто соприкоснуться с варварами могли только члены «Гунхана»; от соблюдения этого карантина зависела судьба самой человеческой цивилизации.

Каждый из купцов гильдии соорудил торговый дом на берегу Жемчужной реки, примерно в двухстах метрах от города. Во время летнего торгового сезона река заполнялась кораблями, а склады товарами. Богатеющие за счет прибыльной коммерции торговые дома вскоре превратились во внушительных размеров здания, над которыми развевались флаги разных иностранных держав; на их просторных верандах мокрые от жары европейцы искали спасения от субтропического климата Южного Китая. Когда наступал период муссонов, торговый сезон заканчивался и иностранцам надлежало покинуть Китай, отплыв если не домой, то по крайней мере в близлежащую португальскую колонию Макао.

Европейцы ворчали из-за такой политики китайского правительства, но деньги были хорошие и недовольство они держали при себе. Все изменилось в 1839 году, когда император запретил продажу опиума, который он совершенно справедливо считал угрозой здоровью нации и причиной экономического упадка Китая. Пекинские власти назначили в Кантон нового решительного губернатора, которому было предписано пресечь наркоторговлю. Британские поставщики и их союзники в палате общин пришли в ужас – если Китай прекратит закупать единственный товар, которым британцы смогли его заинтересовать, Британию ждет жуткий внешнеторговый дефицит. Им удалось пролоббировать силовое решение вопроса: три года королевский военно-морской флот при поддержке торговых кораблей сражался с далеко

⁶¹ Dong S. Shanghai: The Rise and Fall of a Decadent City. N.Y.: William Morrow, 2000. P. 5.

уступавшими ему китайскими силами. В 1842 году император запросил мира и подписал Нанкинский договор. Это был первый в череде так называемых «неравных договоров», по которым император сохранял трон, но делал все большие уступки западным державам. Переговоры проходили в нанкинском храме, посвященном мореплавателю Чжэн Хэ, а сам договор был подписан на борту новейшего британского крейсера – и то и другое было болезненным напоминанием о саморазрушительном изоляционизме, который в итоге привел Китай к военной катастрофе и череде унижений. По условиям договора для внешней торговли открывались пять китайских портовых городов. Среди них был и Шанхай.

Императорский переговорщик убедил своего государя, что хотя «притязания иностранцев и впрямь чрезмерны... главное для них – это доступ к портам и торговые привилегии. Тайных планов они не строят»⁶². Сложно представить себе более ошибочное суждение. Относительно Шанхая у европейцев была по настоящему смелая мечта: они задумали исправить ошибку природы, поместившей величайший порт мира в наименее заинтересованную в торговле империю. Для этого нужно было отобрать Шанхай у Китая и построить на его месте западный город, который принадлежал бы Дальнему Востоку лишь по стечению географических обстоятельств. Сначала предполагалось, что город должен был копировать Париж и Лондон, потом Чикаго и Нью-Йорк – но и это было еще не все. Западные торговцы, поселившиеся в Шанхае, физически должны были находиться в Китае, но вот юридически – в Европе или Америке.

С самого начала Шанхай был для европейцев не просто еще одним торговым портом. Императорские переговорщики надеялись сохранить систему ограниченных торговых сезонов, в промежутках между которыми европейцы жили бы на кораблях или возвращались к своим семьям в Макао; однако британцы решительно отринули это предложение. Они выбили себе право жить в Шанхае круглый год вместе со своими семьями и «любыми работниками, чье присутствие коммерсанты сочтут необходимым... для реализации своих торговых предприятий без каких-либо ограничений и неудобств»⁶³. Эта статья договора оставляла огромное пространство для маневра и фактически означала, что иностранное население Шанхая будет неограниченным. В подписанном в 1843 году дополнении к Нанкинскому договору это положение было закреплено прямым текстом: британцам отныне разрешалось покупать или брать в аренду любое число строений и земельных участков. «Количество их не может быть ограничено, – говорилось в документе, – и определяется самими коммерсантами соразмерно необходимости»⁶⁴. Кстати, опиум, из-за которого, собственно, и разгорелась война, в Нанкинском договоре не упомянут ни разу. Официально запрещенная торговля наркотиком стала в Шанхае секретом Полишинеля, регулировавшимся неформальными договоренностями с китайскими властями: те требовали лишь разгружать суда с опиумом не в самом Шанхае, а чуть ниже по реке.

В том же дополнении 1843 года был прописан принцип «экстерриториальности» – дипломатическая аномалия, породившая космополитичный Шанхай. Иностранных коммерсантов всегда тяготил суровый уголовный кодекс императорского Китая, с его полными нечистот тюрьмами и выбитыми под пытками признаниями. Выиграв Опиумную войну, они решили, что не станут больше подчиняться местным законам, как до них делали все путешественники и купцы по всему миру. По условиям дополнения к Нанкинскому договору уголовные дела британских подданных на территории Китая рассматривались в соответствии с британским же правом. В неравном договоре, подписанном с американцами в 1844 году, это положение распространялось и на гражданские дела. «Граждане Соединенных Штатов, – гласил его текст, –

⁶² Pankaj M. From the Ruins of Empire. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2012. P. 29.

⁶³ Wei B. Shanghai: Crucible of Modern China. Hong Kong: Oxford University Press, 1987. P. 29.

⁶⁴ Wei B. Shanghai: Crucible of Modern China. Hong Kong: Oxford University Press, 1987. P. 30.

совершившие любое правонарушение на территории Китая, могут быть осуждены и наказаны только [американским] консулом... и в соответствии с законами Соединенных Штатов. Все споры в отношении прав, будь то личных или имущественных, возникающие между гражданами Соединенных Штатов на территории Китая, относятся к юрисдикции и регулируются уполномоченными лицами их собственного правительства»⁶⁵.

Экстерриториальность вскоре обрела реальные очертания в пространстве: пригороды Шанхая были поделены на отведенные западным державам сектора, которые назывались иностранными поселениями или концессиями. В 1845 году у слияния Хуанпу и ее притока Сучжоу, в километре к северу от обнесенного стенами китайского города, появилось британское поселение площадью в 56 гектаров⁶⁶. Британцы выбрали себе место, думая об удобстве торговли, тогда как много веков назад китайцы, выбирая свое, руководствовались соображениями безопасности. В 1849 году на участке между городской стеной и каналом, отмечавшим южную границу британского поселения, возникла французская концессия. А в 1854-м к северу от англичан на другой стороне Сучжоу обосновались американцы.

Китайцы рассматривали иностранные концессии как еще несколько этнических анклавов в и без того многоликом городе. Ко времени начала Опиумной войны в Шанхае было уже двадцать шесть землячеств, где мигранты со всего Китая говорили на своих диалектах и сохраняли обычаи и кухню своих регионов⁶⁷, – но иностранцы видели свои поселения совсем иначе. Их конечной целью было сделать из Шанхая эдакий Кантон наоборот: если Кантон был крупным китайским городом с небольшим гетто для иностранцев, Шанхай должен был стать огромным западным городом, построенным вокруг китайского гетто. На ранних иностранных картах Шанхая огороженный стенами китайский город часто изображался белым пятном, фрагментом *terra incognita*. Если же его и отмечали, то подписывали словом «Чайнатаун», как будто это был иммигрантский квартал на другом краю света, а не китайский город на китайской земле.

Тогда как китайский Шанхай представлял собой исторически сложившийся клубок улиц, в британском поселении была распланирована регулярная сетка широких магистралей. По правилам землепользования, совместно установленным в 1845 году британской и китайской администрациями, полоса земли между рекой и британским поселением должна была остаться доступной для пешеходов и бурлаков. Англичане превратили древнюю тропу в настоящую набережную. Вскоре на Бунде – слово, которое на хинди и означает «набережная» и которое служащие Ост-Индской компании подхватили в своей самой ценимой колонии, – началось активное строительство. Нанятые за гроши китайские чернорабочие вбивали сваи в болотистую прибрежную почву, закладывая фундаменты торговых домов будущей Уолл-стрит азиатского континента. По воспоминаниям одного европейца, «похожие на стоны вопли “А-хо! А-хо!” гнетущими волнами прокатывались по Бунду»⁶⁸, когда рабочие-кули (от китайского «квей-ли» – «тягостная мощь») вколачивали сваи в землю. Тягостной мощи суждено было оказаться характерной чертой Шанхая. Построенный на китайском горбу, он станет самым могучим мегаполисом Китая, одновременно являясь его величайшей гордостью и величайшим позором.

К 1843 году свои отделения на Бунде открыли уже одиннадцать иностранных торговых компаний. Местные мастера, строившие эти первые здания, снабдили их загибающимися кверху карнизами и дворами, типичными для архитектуры Поднебесной. Около 1846 года в городе начали появляться здания западного образца. Спроектированные по большей части кантонским строительным подрядчиком, известным под прозвищем Чоп Доллар, они напо-

⁶⁵ Denison E., *Guang Yu Ren*. Building Shanghai: The Story of China's Gateway. West Sussex, UK: Wiley-Academy, 2006. P. 39.

⁶⁶ Dong S. Op. cit. P. 10.

⁶⁷ Bergère M.-C. Op. cit. P. 67.

⁶⁸ Dong S. Op. cit. P. 10.

минали торговые дома «Гунхана» в Кантоне – с огромными верандами, выходящими в сады, полные английских роз, магнолий и тюльпанных деревьев. Китайцам эти здания казались странными. Зачем, спрашивается, дом без внутреннего двора, где подышать свежим воздухом можно только у всех на виду? Как же уединенность, как же личное пространство? После нескольких суровых шанхайских зим иностранцам такая архитектура тоже разонравилась. В тропическом Кантоне просторные веранды – это хорошо, но в умеренном климате Шанхая лучше строить, как в Европе. Если в Петербурге западная архитектура стала частью грандиозного плана, намеченного самодержцем, европейская внешность Шанхая возникла методом проб и ошибок из стремления иностранных коммерсантов создать для себя практичный и комфортный город. В противоположность «самому отвлеченному и умышленному городу на всем земном шаре» Шанхай зарождался как весьма прагматичное поселение, облик которого постепенно определялся коллективным разумом его обитателей без единой мысли о том, что это будет значить для остального Китая.

К 1847 году Бунд выглядел, как центральная улица европейского городка. Кроме офисов торговых компаний, здесь появились гостиница, клуб и несколько магазинов. Торговля процветала: в 1844 году 12,5 % всех экспортируемых в Британию китайских товаров отправлялось из Шанхая; в 1849-м этот показатель составлял уже 40 %⁶⁹. Британский путешественник, посетивший Шанхай в 1847 году, писал: «Шанхай – несомненно важнейший пункт международной торговли на китайском побережье. Для этого здесь больше преимуществ, нежели в любом из виденных мною городов: это распахнутые ворота, открывающие широкий путь в Китайскую империю... Несомненно, что через несколько лет Шанхай будет не только конкурировать с Кантоном, но и заметно превзойдет его по размаху и значимости»⁷⁰.

Иностранные поселения росли не только экономически, но и географически: в 1848 году британцы воспользовались дипломатическим конфликтом, вызванным нападением на христианских миссионеров в сельской местности, и расширили свою концессию больше, чем в три раза⁷¹. В 1850 году передовица англоязычной *North China Herald* – первой в истории шанхайской газеты – уже уверенно предрекала: «Кантон – колыбель нашей торговли с этой поразительной страной, [но] именно Шанхаю навсегда суждено стать главным местом соприкосновения между [Китаем] и прочими странами мира»⁷².

Вскоре европейские жители Шанхая уже называли город своим «восточным домом», а свою концессию – «образцовым поселением». И действительно, к 1850-м годам европейская часть Шанхая с ее непрерывно сменяющимися друг друга разноязыкими обитателями была практически неотличима от западного города. Единственным оставшимся на Бунде зданием в китайском стиле была похожая на храм Императорская таможня, символ государственного суверенитета Китая. Сосредоточием власти иностранцев было британское консульство, расположенное на северном конце Бунда, в месте слияния Сучжоу и Хуанпу. Место было настолько авантажным, что, желая оставить его за собой, британский консул выложил 4 тысячи долларов из собственного кармана, когда в этом отказало его лондонское начальство. Открытое в 1849 году консульство было построено в актуальном в тогдашнем Лондоне неоклассическом стиле силами американского подрядчика и британского архитектора. В двух кварталах от Бунда британцы возвели англиканскую церковь – собор Святой Троицы. Спроектированная при участии сэра Джорджа Гилберта Скотта – ведущего теоретика и практика неоготической архитектуры – церковь с ее горгульями и стрельчатыми арками казалась целиком перенесенной из английской глубинки.

⁶⁹ *Wasserstrom J. Global Shanghai, 1850–2010: A History in Fragments. London: Routledge, 2009. P. 28.*

⁷⁰ *Denison E., Guang Yu Ren. Op. cit. P. 30.*

⁷¹ *Denison E., Guang Yu Ren. Op. cit. P. 46.*

⁷² *Wasserstrom J. Op. cit. P. 32.*

Однако, чем более европейскими на вид становились концессии, тем более китайским становилось их население. Ища убежища от разгоравшихся по всей стране столкновений и беспорядков, в иностранные поселения хлынули потоки беженцев. Неравные договоры продемонстрировали всему свету слабость китайской власти. Поэтому, когда харизматичный лидер по имени Хун Сюцюань, несколько раз проваливший экзамены на чиновничью должность, объявил себя младшим братом Христа, ему удалось собрать армию из сотен тысяч человек, грозившую ниспровергнуть власть слабеющей династии Цин. С 1851 до 1864 года силы Тайпинского восстания под руководством Хуна контролировали значительную часть Китая, результатом чего стали многомиллионные жертвы и сотни тысяч беженцев, наводнивших Шанхай. Таким образом, поселение иностранных торговцев из географического курьеза превратилось в самый быстро растущий город на планете⁷³.

Сперва и иностранные, и китайские власти Шанхая, пытаясь сохранить устоявшуюся систему сегрегации, сносили стихийные лагеря беженцев на территориях иностранных концессий. Вскоре, однако, европейские земле- и домовладельцы сообразили, что на жилье для беженцев можно заработать куда больше, чем на их принудительном выселении, и гонения прекратились. «Моя задача – как можно быстрее сколотить состояние, – объяснял один иностранный делец. – Сдача земли в аренду китайцам и... строительство для них жилья [принесит] от 30 до 40 % прибыли... Через два, максимум три года я надеюсь уехать отсюда. А что там дальше будет с Шанхаем, пожрет ли его огонь или затопит море, – меня не касается»⁷⁴. Такие настроения преобладали среди иностранцев, поэтому к 1854 году на территориях концессий жило уже 20 тысяч китайцев⁷⁵. С тех пор и до конца существования иностранных поселений в Шанхае китайцы были там самой многочисленной этнической группой.

Для расселения беженцев был создан новый тип массового жилья, получивший название «лилонг». «Ли» по-китайски означает «район», «лонг» – «переулок»; соответственно каждая группа лилонгов представляла собой квартал, отгороженный от главных улиц внешними стенами и состоящий из рядов одинаковых домов, разделенных пешеходными проулками. Лилонги строились из камня, а не из традиционного для Китая дерева, и по структуре больше напоминали английскую террасную застройку, чем китайские дома с внутренним двориком. Однако как элемент городского планирования жилой квартал, обнесенный стенами и закрытый для сквозного проезда, был весьма характерен для Китая и напоминал околотки-хутуны, распространенные в Пекине и других древних китайских городах. К 1860 году в британском и американском поселениях было 8 740 лилонгов и всего 269 домов европейского образца⁷⁶. Сады и виллы, характерные для первых лет существования иностранных поселений, уступили место тесным кварталам лилонгов, и концессии больше ничем не напоминали роскошные городки колониальной эпохи. Вместо этого на кишаших людьми улицах Шанхая воцарилась атмосфера великого мегаполиса.

С наплывом китайских беженцев рухнул безумный план иностранцев построить западный город вокруг китайского гетто. Зато их мечта о создании на китайской земле города, который не был бы частью Китая, осуществилась целиком и полностью. Шанхай не просто выглядел как западный город; в течение 1850-х годов, когда императорская власть заметно ослабла, он начал функционировать как западный город. Шанхай стал автономным государством в государстве, со своими силовыми органами, налоговой службой и муниципальным советом. В 1853 году члены Общества малых мечей, местной группировки сторонников Тайпинского восстания, захватили огороженный стенами китайский город и прогнали оттуда император-

⁷³ Dong S. Op. cit. P. 16.

⁷⁴ Bergère M.-C. Op. cit. P. 45.

⁷⁵ Bergère M.-C. Op. cit. P. 44.

⁷⁶ Bergère M.-C. Op. cit. P. 44

ских чиновников. Когда правительственные силы попытались вернуть контроль над городом, иностранцы объявили о нейтралитете в междоусобном конфликте и запретили войскам пересекать свою территорию на пути к китайскому городу. Запрет был проигнорирован, и тогда на защиту концессий вышел Шанхайский волонтерский корпус, состоявший из 250 британцев и 130 американцев. После небольшой стычки, в которой погибли 30 китайских солдат и четыре иностранца, императорские войска отошли к границам концессий. Хотя китайцы отступили скорее в результате дипломатической договоренности, чем из страха перед горсткой иностранцев, рассказы о «Битве на Болотной низине» передавались в концессиях из поколения в поколение. В соответствии с самым распространенным определением государства как структуры, обладающей монополией на насилие, к 1853 году иностранные поселения уже не являлись частью Китая.

В скором времени иностранцы присвоили себе и право налогообложения, еще один атрибут независимого государства. В 1854 году, когда Общество малых мечей разграбило китайскую таможеню на Бунде, иностранцы заспорили, как на это реагировать. Многие западные коммерсанты считали, что это отличный повод, чтобы перестать платить импортные и экспортные пошлины, наложенные императорским правительством. Французский консул без тени смущения заявил: «До тех пор пока в Шанхае не появится признанный, постоянно действующий государственный орган, способный гарантировать соблюдение соглашений... я считаю себя вправе разрешить судам моей страны прибывать и отбывать без уплаты каких-либо пошлин»⁷⁷. Иностранцы поизобретательней увидели в создавшемся положении еще более широкие возможности. Под предлогом того, что временный отказ от таможенных выплат будет равнозначен «аннулированию всех договоренностей и разрыву наших торговых отношений с Китаем»⁷⁸, британские дипломаты создали систему, при которой иностранцы начали сами управлять таможеней и собирать пошлины от имени китайского государства. По мере того как Шанхай утверждался в роли главного торгового порта страны, местные сборы достигли примерно половины всех таможенных поступлений в китайскую казну, что позволило британцам еще крепче ухватить императора за карман. Не желая афишировать свои новые полномочия, британцы продолжили работу в восстановленном здании китайской таможни. В 1893 году этот маневр исчерпал себя, и единственное китайское строение на Бунде уступило место конторскому зданию в псевдотюдоровском стиле, увенчанному часовой башней с курантами, бой которых полностью повторял звучание лондонского Биг-Бена. С тех пор Шанхай стал для британцев своим не только на вид, но и на слух.

От имени китайского правительства иностранцы собирали импортные пошлины с товаров, проходящих через шанхайский порт, однако их собственные, основанные в Шанхае компании не платили налог на прибыль. Хотя освобождение от корпоративных налогов не было зафиксировано ни в одном из договоров, экстерриториальные привилегии иностранцев означали, что привлечь их к ответственности за нарушение своего налогового законодательства китайцы просто не могли – вот они его и нарушали.

Венцом процесса обустройства западного города стало создание в 1854 году Муниципального совета Шанхая, состоящего исключительно из иностранцев. Полноценное суверенное правительство поселения было создано британцами для окончательного оттеснения китайских властей от управления и налогообложения и под личиной демократии обернулось олигархией крупных коммерсантов. Право голоса на выборах в Совет имели лишь те иностранные земле- и домовладельцы, от которых в бюджет концессии шли самые крупные налоговые поступления; имущественный ценз был так высок, что за бортом оставалось более 80 % иностранцев⁷⁹.

⁷⁷ Bergère M.-C. Op. cit. P. 47.

⁷⁸ Bergère M.-C. Op. cit. P. 78–79.

⁷⁹ Bergère M.-C. Op. cit. P. 112.

Китайцем же и вовсе запрещалось голосовать просто потому, что они китайцы. Тем не менее налоги на содержание Совета собирались со всех жителей поселения – а китайцы на тот момент уже составляли большинство. В 1862 году во французской концессии был создан собственный муниципальный выборный орган. В том же году британское и американское поселения объединились в так называемый Международный сэттлмент (от английского *settlement* – «поселение») на условиях гарантии представительства американцев в Совете. С созданием полноценных органов управления закончилась трансформация шанхайских концессий, как пишет один современный историк, «из обычных жилых районов в настоящие самоуправляемые анклав, успешно уклоняющиеся от действия китайского суверенитета»⁸⁰. Иностранцы, вклинившиеся в территорию Китая, продержатся почти сто лет – период, который китайцы называют «веком унижений».

Иностранцы, прибывшие в Шанхай, чтобы сколотить состояние, изо всех сил старались создать тут деловой центр мирового масштаба, но космополитичное общество у них получилось почти вопреки собственным устремлениям. По признанию одного британского коммерсанта: «Торговля была смыслом, сутью и содержанием нашей жизни в Шанхае – то есть если бы не торговля, то, кроме миссионеров, туда бы не поехал ни один человек»⁸¹. Другой объяснял ситуацию еще более беззащитно: «От человека в моем положении не следует ждать того, что он обречет себя на длительное изгнание... Мы люди практичные, мы делаем деньги. Наша работа – наращивать капиталы как можно больше и как можно скорее»⁸². Соблазн быстрых денег привлекал в «Эльдорадо Востока» людей со всего мира. Эти охотники за богатством стали наполовину в шутку называть себя «шанхайландцами», чтобы обозначить границу между собой и местными шанхайцами.

Из-за своего экстерриториального статуса Шанхай стал самым открытым городом в мировой истории – чтобы там оказаться, не нужны были ни виза, ни паспорт. Здесь привлекали всех – только на разных ступеньках местной иерархии. В 1870 году перепись населения Международного сэттлмента показала, что там живут представители гигантского количества разных народов. В дополнение к британцам, французам и американцам имелись австрийцы, пруссаки, шведы, датчане, норвежцы, португальцы, испанцы, греки, итальянцы, мексиканцы, японцы, индийцы и малайцы⁸³. Все они жили вперемешку, однако в экономике города царил клановость. Торговые дома строились по этническому и национальному принципу – фирмы бывали шотландские или американские, немецкие или еврейские.

Шанхайландцы были куда большими меритократами, нежели жители Лондона, Парижа или Бостона. Это был город людей, которые всего добились сами и чье прошлое, каким бы темным оно ни было, никого особо не волновало. «Шанхай – очень терпимый город, – писал местный житель. – Разноязыкое население настолько добродушно, что любой, за исключением разве что хладнокровного убийцы, может со временем заново заслужить тут доброе имя трудолюбием, раскаянием и смирением»⁸⁴.

На вершине сбитого на скорую руку шанхайского общества находились «тайпаны» – крупные коммерсанты, капитаны бизнеса. Образцом тайпана считался шотландец Уильям Жарден. Доктор по образованию, Жарден оказался в Азии в качестве судового врача на одном из кораблей Британской Ост-Индской компании. Возможно, медицинская практика помогла ему осознать коммерческий потенциал опиума; оставив стетоскоп, он целиком посвятил себя наркоторговле. В Британии добропорядочное общество косо смотрело на подобные опера-

⁸⁰ *Bergère M.-C.* Op. cit. P. 47.

⁸¹ *Dong S.* Op. cit. P. 19.

⁸² *Dong S.* Op. cit. P. 15.

⁸³ *Wasserstrom J.* Op. cit. P. 40.

⁸⁴ *Dong S.* Op. cit. P. 30.

ции, однако своих потенциальных инвесторов Жарден уверял, что торговля опиумом «из всех известных мне коммерческих предприятий больше всего подходит истинному джентльмену»⁸⁵. Со временем состояние его росло, а положение укреплялось. В итоге он получил дворянский титул и место в британском парламенте, а его фирма Jardine, Matheson and Co. распространила свою деловую активность на вполне легальные сферы текстильной промышленности, недвижимости и страхования. Надежда повторить стремительное превращение Жардена из деклассированного наркоторговца в землевладельца-аристократа привлекала в Шанхай все новых охотников за удачей.

Стекавшихся в город будущих тайпанов называли «грифонами». Это были молодые люди, недавно поступившие на службу в надежде произвести впечатление на своих боссов и когда-нибудь унаследовать их дело. По традиции новичок оставался грифоном один год, один месяц, один день, один час, одну минуту и одну секунду с тех пор, как сошел на землю Шанхая⁸⁶. Ступенью ниже грифонов стояли «гузеры» – по сути, конторские клерки. Их иногда иронично называли «белыми парнями» – чаще всего это были метисы из Макао, наполовину португальцы, наполовину китайцы. Кроме того, западным торговцам помогали компрадоры. Дословно *comprador* по-португальски означает «покупатель»; это были китайцы, которые отвечали за связи с императорскими чиновниками, а также помогали при контактах с местными подрядчиками и клиентами. Компрадорами служили, как правило, выходцы из Кантона, семьи которых переехали в Шанхай, когда новый порт потеснил традиционный центр торгового обмена между Западом и Востоком в дельте Жемчужной реки.

В европейском городе царила четкая расовая иерархия, на вершине которой были белые, а в самом низу – китайцы. Даже после отмены сегрегации по месту жительства, когда китайцам позволили селиться в иностранных концессиях, в общественных пространствах продолжила действовать система, схожая с американскими законами Джима Кроу^[2]. Когда британцы разбили «общественный парк» на берегу реки возле своего консульства, несмотря на название, китайцам, составлявшим в этом обществе большинство, вход туда был закрыт. Вплоть до конца 1920-х годов единственным исключением из этого правила были китайские няни, сопровождавшие иностранных детей.

Между китайскими низами и белой верхушкой располагались остальные этнические группы, часть из которых британцы с определенными целями привезли сюда из других колоний. Из Индии доставляли сикхов, которых британцы ценили за боевые традиции, не говоря уже о статности, тюрбанах и великолепных усах; сикхи служили в полиции. Среди прочих своих обязанностей они должны были патрулировать общественный парк и не пускать туда китайцев. Была в Шанхае и небольшая диаспора парсов – персидских зороастрийцев, которые в Средние века осели в Индии, откуда и последовали вслед за британцами по их торговым путям. В качестве «иностранцев» парсы могли пользоваться и общественным парком, и прочими заведениями, куда китайцам вход был воспрещен. Корни еврейской диаспоры Шанхая уходили в Багдад, однако шанхайские евреи позиционировали себя как сефардов. Сефард на иврите – «испанец», этим словом обозначают потомков евреев, изгнанных из Испании в 1492 году. Как бы сомнительна ни была историческая связь между Багдадом и Испанией, причина, по которой шанхайские евреи связывали свою историю с Пиренейским полуостровом, ясна: они хотели, чтобы их воспринимали как белых из Европы, а не как арабов с Ближнего Востока⁸⁷.

Каждая диаспора принесла с собой свой мир. «Перуанцы ведут себя не так, как немцы, французы отличаются от янки, – рассказывал житель Шанхая. – Когда в городе обитает более

⁸⁵ Dong S. Op. cit. P. 7.

⁸⁶ Hibbard P. The Bund Shanghai: China Faces West. Hong Kong: Odyssey Books, 2007. P. 93.

⁸⁷ Meyer M. The Sephardi Jewish Community of Shanghai and the Question of Identity // From Kaifeng to Shanghai: Jews in China / Ed. by R. Malik. Nettetal, Germany: Steyler Verlag, 2000. P. 345–346.

двадцати национальностей, угодить каждому невозможно, и в итоге все покоряются неизбежному – живут как знают, и не мешают жить другим»⁸⁸. В иностранных концессиях американцы продолжали праздновать День независимости, французы – День взятия Бастилии, а британцы – день коронации королевы Виктории. Когда немец эмигрировал в Милуоки в американском Висконсине, он становился американцем, но если он переезжал в Шанхай, он оставался немцем.

Предприниматели богатели на импорте товаров, воссоздающих в Шанхае обстановку далекого дома. Британские владельцы одного универмага гарантировали своим клиентам, что у них они найдут все, что нужно для рождественского ужина «как дома» – так, во всяком случае, гласила реклама в газете *North China Daily News*⁸⁹. Американцы валом валили в *Getz Bros. & Co.* – основанный в Сан-Франциско универмаг, который в 1871 году открыл шанхайское отделение. Его рекламное объявление 1903 года сулило посетителям «все разнообразие американских товаров и производителей»⁹⁰. Помимо импорта западных товаров, самые успешные торговые фирмы завозили шеф-поваров, чтобы они готовили настоящую западную еду. Специализировавшаяся на торговле опиумом американская фирма *Russell & Co.* нанимала в штате Миссисипи негров-поваров, чтобы было кому готовить южные деликатесы типа барбекю, жареных зеленых томатов или кукурузной каши. Не желая отстать от конкурентов, шотландские торговцы опиумом *Jardine, Matheson & Co.* открыли в своей штаб-квартире на Бунде столовую залу для всего иностранного общества Шанхая; опасаясь пустых столов они, однако, предпочли шотландскому шефу француза.

Для большинства шанхайландцев организации и клубы собственной диаспоры составляли ядро местного общества и значили больше, нежели какие-либо официальные учреждения. Немцы собирались в клубе «Конкордия», основанном в 1865 году; стена над баром была там расписана сочными фресками с видами Берлина и Бремена. Французы посещали спортивный клуб *Cercle Sportif Français*, а шотландское Общество святого Андрея славилось Каледонским балом, где сотни мужчин ежегодно отплясывали в килтах.

Как и положено, Британский клуб Шанхая, открывшийся на Бунде в 1864 году, был первым среди равных. После ремонта помещения на рубеже веков здесь появилась 30-метровая барная стойка, которая считалась самой длинной в мире⁹¹. Бар Британского клуба был мерилем положения в шанхайском обществе: тайпаны рассаживались в его дальнем конце, а грифоны кучковались ближе к выходу. Карьера в этом городе обозначалась постепенным движением вдоль барной стойки.

Однако важнее всякого клуба был ипподром, который, по словам современного историка, был «сердцем британской общины Шанхая»⁹². Первая скромных размеров скаковая арена за Бундом была устроена еще в 1840 году, сразу после Опиумной войны, чтобы западные торговцы, сколотившие состояния на поставках чая, могли поразвлечься и спустить хотя бы часть заработанного. Вторую построили в 1854-м, а в 1863 году открылся ипподром еще большего размера, где в овале беговой дорожки поместилось полноценное поле для крикета. Со временем дела у владевшего ипподромом Шанхайского конноспортивного клуба (*Shanghai Race Club*) пошли так хорошо, что он оказался в тройке самых богатых иностранных корпораций Китая⁹³. Само его название ненароком обозначало правила этого клуба, членами которого могли стать только представители белой расы. Поскольку китайцев не допускали ни в главный

⁸⁸ *Dong S.* Op. cit. P. 30.

⁸⁹ *Warr A.* *Shanghai Architecture.* Sydney, Australia: Watermark Press, 2007. P. 171.

⁹⁰ *The Hotel Metropole. Guide Book to Shanghai and Environs.* Shanghai: Oriental Press, 1903. Рекламное приложение.

⁹¹ *Denison E., Guang Yu Ren.* Op. cit. P. 102.

⁹² *Warr A.* Op. cit. P. 157.

⁹³ *Warr A.* Op. cit. P. 157–158.

городской парк, ни на основную площадку светских развлечений, весь этот мегаполис в каком-то смысле тоже был таким клубом только для белых, рассматривать который местные жители могли исключительно снаружи.

Шанхайские иностранцы шумно восторгались ипподромом с его идеальными дорожками, вылизанными лужайками, величественным зданием и немислимыми ставками, но старались не распространяться о другой своей страстишке – проституции. Мечты о быстрой наживе влекли в Шанхай молодых людей со всего света, и к середине XIX века эмигрантская община на 90 % состояла из мужчин⁹⁴. В официальной справке британского консульства за 1864 год говорится, что на территории концессий действовало 688 борделей⁹⁵. Однако продажная любовь в тогдашнем Шанхае – это не просто возможность преклонить одинокую голову вдали от дома; проституция стала сутью города. Никто не называл Шанхай «азиатской столицей шлюх», хотя с точки зрения статистики это было бы вполне корректно. Его заклеямили «Шлюхой Азии».

Все, что интересовало тут западных пришельцев, – это зарабатывание денег для удовлетворения собственных страстей. На их напыщенном, полном двусмысленных экивоков викторианском английском это обозначалось как «раскрытие» Шанхая для «сношений»⁹⁶. За исключением миссионеров, которые стремились спасти туземные души и искоренить варварские традиции вроде бинтования девичьих ступней, мало кто из иностранцев утруждал себя изучением китайского языка. Отношение большинства шанхайландцев к городу было примерно таким: приехать, получить желаемое и уехать. Поскольку европейцы обустроивали Шанхай как фантазию об идеальном городе, его иностранная часть стала похожа на мир грез бойкого подростка. Это был комплекс аттракционов, где главным открытым пространством служит не парк, а ипподром, а предметом общегородской гордости является не самый большой в мире музей, а самая длинная в мире барная стойка.

Чтобы иностранцы могли вести коммерческие дела, не изучая китайский, из смеси английского, португальского и разных диалектов китайского и хинди возник понятный всем местным жителям диалект – пиджин-инглиш. В современном английском сохранилось всего несколько фраз на пиджине – к примеру, *no can do* («так не пойдет») и *chop chop* («скорей-скорей»), – однако в старом Шанхае это был полноценный язык делового общения⁹⁷. В 1930-х годах американский журналист проиллюстрировал языковую ситуацию в городе, предложив своим читателям на родине следующий воображаемый диалог. Тайпан спрашивает компрадора: «How fashion that chow-chow cargo he just now stop godown inside?» На что компрадор отвечает: «Lat cargo he no can walkee just now. Lat man Kong Tai he no got ploper sclew». Тайпан интересуется, почему его смешанный (*chow-chow*) груз все еще на складе (*godown*). Компрадор отвечает, что груз невозможно отгрузить (*no can walkee*), поскольку покупатель не внес необходимого залога (*ploper sclew*)⁹⁸.

Этот диковинный язык стал воплощением ни на что не похожего шанхайского мультикультурализма. Очевидно, что за основу тут взят английский, а уступки китайскому делаются только в случае крайней необходимости. Однако, поскольку это была не сугубо английская колония, а смешение людей со всего мира, в пиджин-инглише видны и иберийские, и южноазиатские влияния. Иностранцы хотели создать здесь подобие своего дома, а получился не имевший прецедентов глобальный город с собственным ломаным эсперанто. В дисциплине

⁹⁴ Dong S. Op. cit. P. 28.

⁹⁵ Dong S. Op. cit. P. 44.

⁹⁶ The Past and Future of China // North China Herald. 1854. March 18; Farrer J. Opening Up: Youth Sex Culture and Market Reform in Shanghai. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

⁹⁷ All About Shanghai: A Standard Guidebook. Shanghai: University Press, 1934; перепеч.: Hong Kong: Oxford University Press, 1986. P. 120–121.

⁹⁸ Dong S. Op. cit. P. 32–33.

«прыжок в будущее» Шанхай опередил даже Петербург, элита которого, стремясь к внешнему сходству с европейцами, идеально говорила по-французски.

Общая для всех диаспор Шанхая языковая база для ведения бизнеса и отчаявшиеся китайские беженцы как неиссякаемый источник дешевой рабочей силы создали предпосылки для экономического бума. Для шанхайского предпринимателя главным было местоположение – это правило тут действовало даже беспрекословнее, чем в любом другом крупном деловом центре. За каменными столбиками, обозначающими границы иностранных поселений, экономические законы были куда либеральнее, чем в бюрократическом Китае. Больше того, иностранные державы, контролировавшие концессии, обеспечивали такой уровень стабильности, который на тот момент и не снился многострадальной империи. С мощным развитием торговли в очевидно лучшем для этого месте Китая поднялся и метабизнес купли-продажи самого города – то есть спекуляции с недвижимостью. Как сформулировал это в своей истории города один шанхайландец начала XX века, началась «земельная лихорадка»⁹⁹. На территории концессий лилонги росли как грибы, а цены на землю подскочили до небес. С 1840 по 1860 год стоимость гектара земли увеличилась на 3 000 %, а если участок граничил с Бундом, то еще вдвое от этого¹⁰⁰. Ведущие банки города переводили капиталы из опиума в недвижимость, оттуда в морские грузоперевозки, а потом обратно – причем каждый шаг этого заколдованного круга приносил все более высокие прибыли. В 1858 году собственное отделение в Шанхае открыл Чартерный банк Индии, Австралии и Китая (ныне Standard Chartered); Банковская корпорация Гонконга и Шанхая (ныне банк HSBC) возникла в городе в 1865-м.

Но всякому экономическому буму рано или поздно приходит конец. Когда императорская армия наконец подавила Тайпинское восстание (не без помощи европейских командиров, которых доведенный до крайности император привлек для руководства своими войсками), в Китае воцарился мир. Беженцы, наплыв которых спровоцировал скачок цен на недвижимость, стали возвращаться в родные места. Меньше чем за год китайское население Международного сэттльмента снизилось с 500 до 77 тысяч человек¹⁰¹. Утрата такого дохода вызвала в шанхайландцах бурю негодования в адрес отбывавших восвояси постояльцев. Газета North China Herald глумливо рассуждала, что «отеческая забота местных властей и невозможность делать все по-своему – ходить грязными, орать на улицах, делать лужи перед каждой дверью, пускать петарды и бить в барабаны посреди ночи, а также выгуливать своих божков в сопровождении дудок, гонгов и лязгающих цепей – все эти абсурдные запреты, которыми Муниципальный совет заметно ограничивал их свободу и комфорт, привели к тому, что китайцы с нетерпением ждали того счастливого дня, когда милостивые небеса позволят им наконец вернуться в их зловонную грязь с ее болезнями и прочей скверной»¹⁰².

Пузырь недвижимости лопнул буквально за ночь. Ценности, производимые многими шанхайландцами, существовали исключительно на бумаге. По словам очевидца, «значительную часть населения составляют оборотистые личности, которые называют себя брокерами, – и земля очевидно ушла у них из-под ног»¹⁰³. Описывая последствия обвала, Herald писала, что «спекулянты земельными участками, многие из которых инвестировали заемные капиталы, уже привыкли к пурпуру и шелку, к ежедневным роскошным обедам. Счастлив тот, кто, улучив момент, успел спихнуть груз ответственности за земельные владения на плечи ближнего до наступления полного краха, когда очертания рынка внезапно изменились до неузнаваемости.

⁹⁹ Jesus M. de. *Historic Shanghai*. Shanghai: The Shanghai Mercury, 1909. P. 206.

¹⁰⁰ Bergère M.-C. *Op. cit.* P. 44–45.

¹⁰¹ Denison E., *Guang Yu Ren*. *Op. cit.* P. 66.

¹⁰² Retrospect of Events in the North of China during the Year 1864 // North China Herald. 1865. January 28. P. 14.

¹⁰³ Denison E., *Guang Yu Ren*. *Op. cit.* P. 66.

Не стало больше покупателей с горящими глазами, на каждом углу слышны только предложения “продать по дешевке”»¹⁰⁴.

Недавний центр кипучей деловой активности стал похож на город-призрак. Склады и причалы вдоль реки опустели. Шесть из одиннадцати банков Международного селтльмента приостановили выплаты. Лишившись всего, потерянные шанхайландцы бродили по безлюдным улицам меж недостроенных зданий в лесах из бамбуковых бревен, на которых уже не было видно рабочих. «Внезапно остановилось все строительство, – писала Herald в итоговом выпуске за 1864 год, который стал для Шанхая *annus horribilis*, «годиной бедствий». – Нижние этажи домов, где еще месяц назад во множестве обитали трудолюбивые туземцы, зарастают травой и сорняками... Длинные ряды деревянных жилищ брошены на произвол разрушительных сил стихии»¹⁰⁵.

Экономическая паника поставила Муниципальный совет Шанхая перед угрозой кризиса суверенного долга. В период подъема, когда налоговые поступления текли рекой, Совет брал еще больше в виде кредитов – деньги нужны были на строительство современного мегаполиса для миллионов жителей, которые, конечно же, в скором времени захотят поселиться в Шанхае. Но теперь люди покидали город сотнями тысяч. «Совет попал в прескверную финансовую ситуацию, – признавал британский консул. – Пока здесь искали убежища толпы запуганных китайцев, готовых щедро платить за собственную безопасность, деньги доставались Совету легко и так же легко им тратились. Теперь же с падением доходов он оказался по уши в долгах»¹⁰⁶.

Подобного бума в Шанхае не будет до 1920-х годов. Тем не менее для китайцев Шанхай, несмотря на банкротство и расистские порядки, все равно был воплощением нового, современного Китая. Иностраный город, сам того не подозревая, создавал новый тип китайца-космополита – шанхайца, который говорил на смешанном языке и был знаком с культурами многих далеких народов. Подобно дававшим им кров лилонгам, характерным только для Шанхая, но возникшим из сочетания западных и традиционно китайских архитектурных форм, люди, сформированные этим городом, отличались от своих собратьев, чахнувших в стоячих водах конфуцианской империи. Дело в том, что для китайского населения жизнь в этом управляемом иностранцами городе была полна не только беспрецедентных унижений, но и беспрецедентной свободы. В Шанхае китайцы знакомились со всеми особенностями и учреждениями современного общества, даже если им самим они были по-прежнему недоступны. Хотя планировался Шанхай европейцами и для европейцев, в долгосрочной перспективе важнее всего он оказался именно для китайцев.

Контакты с иностранцами меняли китайское население города – шанхайцы отдалялись от традиционной китайской культуры своих деревенских предков и становились ближе к современному миру торговли, путешествий и технологий. Хотя на ипподроме, ставшем центром социальной жизни европейцев, царил сегрегация, это не означало, что китайцы не были знакомы с этим новым развлечением. Как сообщает автор американского журнала Harper's Weekly в своем репортаже со скачек 1879 года, китайские мужчины и женщины, которым путь на трибуны был заказан, придумали собственные гонки по улицам города. «Во время скачек огромные толпы черноволосых людей обоих полов и всех возрастов высыпают на улицы, ведущие к ипподрому, – сообщал репортер своим заокеанским читателям. – Большей частью пешком, некоторые верхом на чахленьких пони, многих везут в тачках; публика в платье поприличнее выдвигается на экипажах всех видов и мастей. Среди них тут и там видны роскошные кареты европейцев... На обратном пути со скачек это занятное скопище ведет себя так, будто они

¹⁰⁴ Retrospect of Events in the North of China during the Year 1864 // North China Herald. 1865. January 28. P. 14.

¹⁰⁵ Retrospect of Events in the North of China during the Year 1864 // North China Herald. 1865. January 28. P. 14.

¹⁰⁶ Dong S. Op. cit. P. 64.

прониклись теми же чувствами, что жокеи на арене... На тачках или в экипажах они устраивают гонки и соревнуются друг с другом, стараясь первыми добраться до дома»¹⁰⁷. Китайцы, не допущенные в ворота Конноспортивного клуба, создали эрзац западного общественного пространства прямо на улицах своего города. Взрослые участвовали там в играх, которые в любой другой части страны посчитали бы ребячеством, а мужчины и женщины смешивались в единую толпу, что в императорском Китае само по себе стало бы неслыханным скандалом.

Зарождение китайского капитализма проходило в той же подражательной манере: амбициозные китайские бизнесмены занялись распространением самопальных копий западных товаров. Уже в 1863 году британская продовольственная компания *Lea & Perrins* опубликовала в *North China Herald* объявление, где предостерегала шанхайских потребителей от покупки «кустарных подделок знаменитого Вустерширского соуса с этикетками, едва отличимыми от настоящих»¹⁰⁸ и угрожала судебным иском каждому, кто осмелится производить или продавать поддельный продукт. Однако совсем скоро китайские предприниматели переросли уровень изготовления дешевых фальшивок. Со временем они начали выстраивать настоящие корпорации, воспринимать себя как тайпанов, сколачивать не меньшие, чем у иностранцев, состояния и вести схожий с ними образ жизни.

Пользуясь преимуществами этого обустроенного иностранцами островка капитализма с его экстерриториальной правовой системой, компрадоры поначалу преумножали свои состояния, удачно вкладывая деньги в западные компании. Существенная часть средств для местных операций банка *HSBC* поступала от китайских инвесторов. Когда американская фирма *Russell & Co.*, рассчитывая ослабить свою зависимость от опиной торговли, объявила о создании Шанхайской компании парового сообщения, призванной перенести на Хуанпу передовую технологию, так хорошо зарекомендовавшую себя на Миссисипи, треть всех инвестиций для этого проекта компания получила от собственных компрадоров¹⁰⁹. Заработав солидные дивиденды, китайские бизнесмены вскоре стали организовывать собственные компании. В 1877 году местные инвесторы полностью выкупили молодое пароходство, переименовав его в Китайскую купеческую компанию парового сообщения (сейчас – китайская государственная корпорация *China Merchants Group*). «Китайские купцы» заполучили не только флот шайнхайдцев, но и их расположенную на Бунде штаб-квартиру, став первой незападной компанией, разместившейся на этой престижной набережной.

В Кантоне компрадоры были всего лишь ценной прислугой из местных – они решали вопросы с императорскими чиновниками, переводили документы, подготавливали сделки. Какое бы состояние ни нашёл компрадор своим ремеслом, в конфуцианском обществе, где ученость ценилась выше деловой хватки, общественное положение его не повышалось. А вот в Шанхае компрадор вроде Тонга Кинг-синга, который стоял за созданием Китайско-купеческой компании парового сообщения, сам мог стать тайпаном. Закончив миссионерскую школу в Гонконге, юный Тонг, о котором известно, что он «говорил по-английски, как британец»¹¹⁰, переехал в Шанхай и поступил в торговую фирму *Jardine, Matheson & Co.*, где от лица своих шотландских начальников заключал сделки с поставщиками сырья в провинциях вверх по Янцзы. К 1863 году он получил должность главного компрадора фирмы. Когда десять лет спустя Тонг покинул свой пост ради управления пароходством, он уже был одним из богатейших людей Шанхая, контролировавшим целую торговую империю с интересами в банковском секторе, страховании и газетном бизнесе. Ху Джун, также начав карьеру компрадором британской торговой фирмы, впоследствии занялся чаем и шелком, затем основал банк, а к концу XIX

¹⁰⁷ *Derby-Day at Shanghai // Harper's Weekly. 1879. June 14. P. 468–469.*

¹⁰⁸ *Lea & Perrins advertisement // North China Herald. 1863. September 5.*

¹⁰⁹ *Bergère M.-C. Op. cit. P. 74.*

¹¹⁰ *Dong S. Op. cit. P. 67.*

века создал целый синдикат недвижимости, которому принадлежало более 2 тысяч домов в Международном сэттльменте¹¹¹. Сам Ху к тому времени уже жил, как магнат-шанхайлонец, в роскошном особняке с полированными мраморными полами на улице Бурлящего источника – самой престижной жилой улице европейского Шанхая. Удовлетворением нужд Ху в соответствии с его строжайшими требованиями занимался штат из 18 слуг¹¹².

Богатых китайцев становилось все больше, и улица Бурлящего источника стала променадом, где представители китайской элиты могли и себя показать, и других посмотреть; это относилось и к женщинам, чьи ровесницы в императорском Китае, как правило, не выходили из дома, не в последнюю очередь из-за изувеченных бинтованием ног. «По этой дороге катались небесные красавицы, разряженные в роскошные шелка по последней китайской моде», – восторгался один шанхайлонец¹¹³.

Добившись таких успехов, состоятельные китайские коммерсанты Шанхая стали видеть в своем обществе микрокосм современного Китая. Если они смогли перенять некоторые аспекты западной цивилизации – новые технологии, нравы, деловые практики – и, более того, обыграть европейцев на их же поле, значит, по этому пути может пойти и весь Китай. «Освоить лучшие технологии варваров, чтобы управлять этими варварами», – так выразил эту мысль один китайский сторонник реформ¹¹⁴.

Даже консервативные императорские чиновники, обычно исповедующие изоляционизм, больше не могли игнорировать происходящее. Фракция сторонников модернизации в правительстве династии Цин поддержала движение за «самоусиление», центром которого был Шанхай. Лидером этого движения стал Ли Хунчжан, императорский чиновник и одновременно деловой человек, способствовавший созданию нескольких совместных предприятий между местными властями и шанхайскими коммерсантами. Первым таким предприятием стал новый арсенал, где китайцы работали на самом современном американском оборудовании. Перенос на китайскую почву западные технологии и методы производства, арсенал одновременно порождает мечты, что произведенное там оружие будет когда-нибудь обращено против западных захватчиков. Кроме прочего, Ли основал Шанхайский колледж переводчиков, где способная китайская молодежь училась западным языкам и наукам. В 1868 году издательство колледжа начало выпускать переводные книги по различным отраслям науки, права и истории – это был источник знаний, имевший огромное значение для растущего сообщества реформаторски настроенных интеллектуалов Шанхая.

И все же влияние европеизированных китайских коммерсантов, чьи состояния становились все внушительней, было ограничено. В своих смелых проектах – первый китайский целлюлозно-бумажный комбинат, первые китайские верфи, первая телеграфная компания – они видели первый этап самоусиления всей страны, однако ни одно из этих начинаний так и не вышло на общенациональный уровень. Пекинские консерваторы, одновременно и завидуя успехам шанхайских коммерсантов, и весьма скептически относясь к их идее самоусиления Китая путем подражания иностранцам, ограничили их деятельность квазигосударственными монополиями в самом Шанхае, отказавшись от шанса модернизировать всю страну.

Если китайская элита, пользуясь всеми благами современной экономики Шанхая, ограждала себя от характерных для этого города унижений (недоступность общественного парка не так задевает, когда за твоим собственным домом разбит парк вдвое больше), у китайских масс таких возможностей не было. Для них Шанхай стал соблазнительным современным миром,

¹¹¹ Wei B. Op. cit. P. 126.

¹¹² Wei B. Op. cit. P. 126.

¹¹³ Dong S. Op. cit. P. 36.

¹¹⁴ Wei B. Op. cit. P. 145.

который они построили своими руками, но для других. Шанхай был самым передовым городом Китая, но порядки для большинства китайцев там были отнюдь не передовые.

Поскольку правом голоса на выборах в Муниципальный совет Шанхая обладала только небольшая группа иностранцев, основной целью его членов было сохранение низких налогов на прибыль и собственность своих избирателей, а не создание современного города для всех. За пределами Бунда и нескольких главных магистралей, дорожным строительством должны были заниматься сами жители. Поэтому богатые улицы были отлично вымощены, а в бедных кварталах повсюду были грязь и выбоины. Современные удобства – газовые фонари в 1862 году, электричество в 1882-м, водопровод в 1883-м, трамвай в 1902-м – появлялись в Шанхае почти одновременно с подобными нововведениями в ведущих городах мира вроде Лондона и Нью-Йорка. Но поскольку поставщиками этих услуг были не коммунальные предприятия, а частные компании, современность оказывалась доступной только тем, кто в состоянии был за нее платить. Большинство китайцев не могли себе позволить ни водопровода, ни газа, ни электричества, и потому к ним их просто не проводили. В окружении ярких огней одного из величайших городов мира основная часть шанхайцев буквально жила впотмах.

Поскольку английские семьи обычно посылали своих детей учиться в частные школы Соединенного Королевства, Муниципальный совет Шанхая, хоть и гордился своим суверенным статусом, считал, что строительство школ не входит в его полномочия. Считанные образовательные учреждения для местного населения открывали западные миссионеры. Только в 1900 году Совет, наконец, построил муниципальную школу для китайских детей и муниципальную больницу для пациентов-китайцев.

Пожалуй, ярче всего философия власти ради наживы, которую исповедовал Муниципальный совет, проявилась в том, что в XX век Шанхай вошел без канализационной системы. Люди выставляли ведра с экскрементами на улицу, откуда их забирала компания, продававшая нечистоты фермерам в качестве удобрения. Компания, в свою очередь, платила Муниципальному совету за право собирать бесплатный кал. Все, казалось, было устроено как нельзя лучше: вместо того чтобы тратить деньги на строительство канализации, власти Международного селтльмента зарабатывали на ее отсутствии. Не стоит уточнять, что вместе с выращенными на экскрементах овощами к жителям Шанхая регулярно попадали холера, брюшной тиф и дизентерия. Тем не менее такая система продержалась до 1920-х годов, и этот диссонанс вызывал кривую усмешку не только у обозревателя *Far Eastern Review*, который в 1919 году писал, что Шанхай может похвастаться «всеми современными удобствами, кроме канализации»¹¹⁵.

Если в Шанхае современные удобства были доступны не всем, то в остальном Китае их вовсе не было. Иностранное влияние и необычная для империи забота о бизнесе со стороны местных чиновников вроде Ли Хунчжана давали Шанхаю силы и средства для модернизации, которых не было больше нигде в Поднебесной. Под флагом китайского культурного шовинизма император использовал свою власть для изоляции всех технологических нововведений в пределах Шанхая; современный мир строился в отдельно взятом городе. Десятилетиями император отказывал иностранным тайпанам в разрешении на строительство железных дорог, опасаясь, что с их помощью иностранцы обернут его страну до нитки, как это, казалось, происходило в Индии. В 1863 году иностранные коммерсанты предложили построить железную дорогу между Шанхаем и Сучжоу, городом в 100 километрах от побережья, но получили отказ. Предложенный на следующий год проект сети железных дорог для всего Китая также был отвергнут. В 1876 году иностранцы без разрешения проложили трамвайные пути вдоль дороги от концессий на окраины, построенной ими по заказу китайских властей. Когда спустя несколько недель под колесами вагона погиб пешеход (возможно, покончивший жизнь самоубийством), китайские

¹¹⁵ Denison E., *Guang Yu Ren*. Op. cit. P. 128.

власти инициировали принудительную продажу трамвайной компании, выкупили ее и немедленно разобрали рельсы.

Схожим образом «таотай», главный представитель императора в Шанхае, делал все возможное, чтобы телеграфная связь и электрическая сеть не выходили за пределы концессий. В 1866 году американская компания Russell & Co. построила телеграфную линию, связывавшую французское поселение с бывшим американским, которое совсем недавно объединилось с британским. Поскольку провода шли исключительно по иностранным территориям, согласия китайских властей тут не требовалось. Однако стоило компании приступить к созданию региональной сети, выходящей за границы иностранных концессий, таотай распорядился прекратить строительство из-за того, что в тени телеграфного столба скончался человек. Вина телеграфа, по его мнению, заключалась в нарушении фэншуй этого несчастного. Более того, таотай пытался (правда, безуспешно) запретить пользоваться электричеством даже тем немногим шанхайским китайцам, которые могли себе это позволить, под предлогом того, что эта уже повсеместно используемая в концессиях технология является непроверенной и опасной.

Пока китайцы жадно разглядывали современную жизнь через витрину Шанхая, между ними назревал спор: как поступить с западным обществом на их территории – взять за образец для развития или уничтожить? При этом в условиях иностранного господства у них было больше свободы в обсуждении этого вопроса, нежели где бы то ни было в Китае. Экстерриториальная правовая система Международного сэттльмента давала невиданные для Китая возможности не только местным бизнесменам, но и интеллектуалам. Хотя в неравных соглашениях это никак не оговаривалось, китайские жители иностранных концессий тоже начали пользоваться некоторыми экстерриториальными привилегиями, в том числе большей свободой слова, мысли и печати, нежели их материковые сограждане. В 1864 году был создан особый судебный орган, рассматривавший дела подданных китайского императора на территории Международного сэттльмента. Он получил название Смешанного суда, поскольку наряду с китайским судьей в нем заседал сотрудник консульства страны – обладательницы концессии. Со временем этот «помощник» стал обладать большими полномочиями, чем сам судья, а к началу XX века императорские власти и вовсе потеряли право арестовывать своих подданных в иностранных поселениях или даже требовать их экстрадиции за преступления, совершенные в Китае.

В иностранных поселениях, вне досягаемости императорских законов, газеты, финансируемые крупными шанхайскими коммерсантами, печатали критические статьи, которые ни за что не пропустила бы китайская цензура. Когда на рубеже веков было подавлено традиционалистское Боксерское восстание, по итогам которого Китай был вынужден платить многомиллионные репарации западным державам, а династия Цин еще более дискредитировала себя, стало казаться, что выступающие против императорского правительства шанхайские реформаторы предлагают вполне реализуемый план действий.

Подготовив общественное мнение редакционными статьями в своих прогрессивных газетах, китайские лидеры Шанхая принялись за создание параллельного западному современному миру, копирующего учреждения Международного сэттльмента. Для начала традиционные гильдии и сообщества взяли на себя задачу приведения инфраструктуры китайской части города в соответствие с западными стандартами. Общество «Справедливость и бескорыстие» создало систему уборки улиц, а силами благотворительного братства «Деятельная помощь» была создана пожарная команда из пятидесяти человек. В 1895 году для поощрения экономического развития на общественных началах было сформировано Бюро по вопросам коммерции. Тогда же возникло и Бюро дорожного строительства, занявшееся продлением Бунда на юг от иностранных поселений, по береговой полосе у китайского города.

В 1905 году китайские граждане сделали следующий шаг, потребовав представительства в Муниципальном совете Шанхая. В Международном сэттльменте толпы взбунтовавшихся китайцев вступили в стычки с британскими и сикхскими полицейскими, спалив дотла один из

участков. Ради восстановления порядка Муниципальный совет впервые в истории согласился встретиться с представителями коренного населения. На этой встрече белые начальники дали понять, что никакого представительства в самом Совете китайцы не получают, однако пообещали рассмотреть возможность создания при нем «Китайского консультационного комитета». Как только порядок в городе был восстановлен, иностранные налогоплательщики проголосовали против чего бы то ни было в этом роде.

Хотя попытка китайцев войти в Совет встретила решительный отпор, внутри обнесенного стенами китайского города они вполне успешно создали свои органы самоуправления. В 1905 году Бюро дорожного строительства стало Главным управлением общественных работ – муниципальным советом китайского Шанхая. Сформированное по тем же принципам, что и Муниципальный совет Международного сэттльмента, Главное управление общественных работ представляло собой собрание из шестидесяти членов, избираемых китайскими налогоплательщиками. Этот представительный орган не имел никаких аналогов в китайской истории. Ведомый коммерсантами и компрадорами, он приступил к созданию исполнительных учреждений, среди которых были полиция, насчитывавшая 800 сотрудников, и китайский добровольческий корпус, откровенно скопированный с иностранного ополчения. Как вспоминал один из ветеранов первых лет корпуса, его основатель «предложил, чтобы в китайском Шанхае было организовано такое же добровольческое ополчение, как в Международном сэттльменте»¹¹⁶. Кроме того, Главное управление начало работы по благоустройству города: расчистку каналов, строительство дорог и мостов, установку уличного освещения, создание системы сбора мусора. Такой модернизационный энтузиазм отчасти объяснялся унижением, которое китайцы испытывали от постоянных сравнений зловонных проулков старинного города с современным мегаполисом, начинавшимся буквально за его стенами. Как писала одна из китайских газет в редакционной статье: «Впервые попав в Шанхай, путешественник поражается, как чисты и широки улицы Международного сэттльмента. Из его груди вырывается вопрос: “Что ж за сила способна сотворить такое?” “Иностранцы” – отвечаем ему мы... Сравнить с этим чудом китайские кварталы – все равно что перечислять различия между небесами вверху и морским дном внизу»¹¹⁷.

Конечной целью создания собственных версий западных учреждений было изгнание иностранцев, однако вопрос о том, каким именно образом вернуть себе город, разделил китайскую элиту Шанхая. Одни хотели, чтобы императорская власть окрепла и восстановила независимость страны, другие мечтали свергнуть династию Цин и создать Китайскую республику. В начале XX века антиимператорская фракция взяла верх.

Призыв к революции прогремел из Шанхая в 1903 году, когда двое диссидентствующих журналистов Цзоу Жун и Чжан Бинлинь опубликовали программную статью, обличавшую существующую китайскую власть и призывавшую к физическому уничтожению императора. Самым острым риторическим приемом их памфлета стало заявление, что и сам император тоже является иностранцем, откуда следовало отождествление его власти с западным засильем. На самом деле династия Цин была основана северными завоевателями, покорившими Китай в XVII веке. Правящая прослойка по-прежнему состояла из маньчжуров, народности, отличной от китайского этнического большинства хань. С течением веков основная масса китайцев признала их законными правителями страны, которые ничем принципиально не отличались от предыдущих династий. Однако, по мере того как начиная с Опиумной войны на Китай обрушивалось унижение за унижением, в интеллектуальном пространстве страны возникла возможность любить родину, но осуждать императорскую власть. С распространением экстерриториальных привилегий на живущих в концессиях китайцев, которые могли теперь критико-

¹¹⁶ Wei B. Op. cit. P. 193.

¹¹⁷ Dong S. Op. cit. P. 88–89.

вать династию и избирать своих представителей, Шанхай стал физическим пространством для свободного выражения таких убеждений. Когда императорский суд заочно приговорил Цзоу Жуна и Чжан Бинлиня к смертной казни, Смешанный суд, в котором давно заправляли иностранцы, отказался выдать их китайским властям. Смертная казнь, посчитал он, – слишком суровое наказание за инакомыслие, и приговорил их к небольшим тюремным срокам. Невозможно не заметить иронию ситуации: ненависть к императору была вызвана как раз тем, что он позволял иностранцам унижать Китай, но иностранные концессии были единственным местом, где подобные взгляды могли быть выражены или опубликованы. Китайский национализм как протест против иностранного господства зародился в подконтрольном иностранным державам Шанхае.

Первые китайские газеты Шанхая выпускались западными миссионерскими организациями, и основной их задачей было обращение китайцев в христианство (хотя одна английская газета пыталась просвещать своих китайских читателей, знакомя их с достижениями великих реформаторов вроде Петра Великого или японского императора Мэйдзи). Однако к первому десятилетию XX века на газетном рынке Шанхая уже доминировали прогрессивно настроенные издания, принадлежавшие самим китайцам. Деятели Революционного альянса – антиимператорской партии, основанной китайскими эмигрантами в Японии под впечатлением от быстрой модернизации приютившей их страны, – со временем перебрались в иностранный сектор Шанхая, где наладили издание целого ряда газет. «Народный вздох», «Народный вопль» и «Народная трибуна» информировали шанхайцев о новостях в манере, которая была просто невысказана в других частях Китая. Местные газеты стали рупором протестов против любого унижения китайцев иностранцами: в 1904 году это было убийство рикши российским морским офицером в споре о плате за проезд, а в 1905-м – продление соглашения между императорским правительством и Соединенными Штатами, запрещавшего эмиграцию китайцев в Америку. В прокламациях, которые печатали радикально настроенные студенты, тщательно проработанные концепции националистов-интеллектуалов упрощались до подстрекательских лозунгов. «Все вперед!.. Бей! Убивай!» – говорилось в одной из таких листовок, призывавшей китайский народ стереть с лица земли и западных колонизаторов, и незваных правителей-маньчжуров¹¹⁸. «Революция! Революция! Начни ее и тогда ты сможешь жить... А если ее подавят – хоть честно умрешь!» – призывала другая¹¹⁹.

Спор вокруг права строить железные дороги в Китае объединил в едином антиимператорском и антиколонизаторском порыве бизнес-элиту, националистов-интеллектуалов и радикальное студенчество Шанхая с народными массами остальной страны. В 1898 году ослабевшее императорское правительство наконец позволило иностранцам начать сооружать железные дороги за пределами их концессий. Однако рост богатства и кругозора шанхайских магнатов привел к тому, что к 1905 году китайские фирмы могли и сами построить железнодорожную сеть. Сам факт, что современные китайцы Шанхая, способные создать современную страну, символом которой стали железные дороги, снова оттеснены на второй план альянсом иностранцев и маньчжурской династии, привел к демонстрациям по всей стране. И хотя к 1907-му эти выступления были подавлены, всего через четыре года тот же союз города и деревни свергнет императорскую власть.

Китайская революция 1911 года, покончившая с 2 000-летним правлением императоров, разразилась на материке, но во многом это была шанхайская революция. Газеты и политические группы города создали интеллектуальную почву для революции; образ современного Китая, рожденный в Шанхае, стал ее путеводной звездой; организована она была базировавшимся в городе Революционным альянсом; финансировал ее шанхайский бизнес. Когда весть о

¹¹⁸ Bergère M.-C. Op. cit. P. 130.

¹¹⁹ Bergère M.-C. Op. cit. P. 131.

восстания в провинциях дошла до Шанхая, ее встретили с ликованием: этот номер «Народной трибуны» пользовался таким спросом среди разгневанных горожан, что его стоимость взлетела в десять раз¹²⁰. Всего через три недели после начала революции восставшие легко захватили арсенал, построенный Ли Хунчжаном несколько десятилетий назад, и китайский Шанхай объявил о независимости от императорского правительства. События, вошедшие в историю как «Шанхайское восстание», прошли практически бескровно. Менее чем через месяц из-под контроля династии вышла большая часть страны, и 1 января 1912 года была провозглашена Китайская республика.

С падением императорской власти китайские коммерсанты Шанхая наконец получили возможность полностью осуществить свои планы по модернизации города, которым так долго мешали луддиты из запретного города. Стены, отделявшие китайский город от иностранных поселений, снесли. Трамвайные линии, построенные иностранцами в своих концессиях, продлили и в китайскую часть. Разделенный в течение 70 лет город наконец стал единым – по крайней мере физически.

Китайский и западный Шанхай сблизился и в социальном плане. Узнав о падении империи, китайские мужчины немедленно принялись отрезать свои длинные косички – обязательный символ подчинения маньчжурским императорам, в мультикультурном Шанхае подчеркивавший различия между китайцами и иностранцами. Тем, кто не поторопился, скорее по неведению, нежели из симпатий к империи, помогали китайские полицейские, выходявшие на патрулирование с ножницами. «Многих безвинных крестьян-бедолаг, и слыхом не слыхавших о революции, грубо хватали и остригали сразу по прибытии на рынок», – писал один шанхайский миссионер¹²¹. Тем временем более продвинутые горожане наслаждались только что обретенной свободой, приглаживая волосы маслом по последней западной моде. Какими бы подражательными ни были эти первые шаги, в них зарождались новые типы самовыражения, что в итоге привело к появлению гибридной моды ультрасовременного Шанхая 1920-х годов.

Хотя сам послереволюционный Шанхай был един как никогда, именно в этот период стало очевидно, как бесконечно далек от остального Китая единственный глобальный мегаполис в стране. Лучшим выражением этой дистанции был образ ничего не понимающего крестьянина, которому насильно отстригают косичку посреди огромного города. Большая часть страны была не готова к идеалистическим проектам шанхайских националистов, которые, в отличие от соотечественников, уже имели опыт выборной демократии хотя бы на местном уровне. В начавшейся ссоре между различными фракциями к власти пришла самая авторитарная из всех, вступившая в сговор с западными державами, которые по-прежнему контролировали львиную долю доходов китайского бюджета.

Через политические убийства потрясла Шанхай и проложила дорогу к диктатуре. В январе 1912 года молодой офицер Чан Кайши, который впоследствии станет военным правителем Китая, убил соперничавшего с ним революционера Тао Чэнчжана, который лежал на излечении в шанхайском госпитале Сан-Мари. В марте 1913 года лидер националистической партии Гомиьндан Сун Цзяожэнь, готовившийся стать премьер-министром по итогам первых общеитайских демократических выборов, был убит на железнодорожном вокзале в Шанхае, откуда он должен был отправиться в Пекин для принятия присяги. В этот момент мечты о республике окончательно уступили место жестокой реальности диктатуры, в которой один деспот сменял другого.

Китайские коммерсанты Шанхая, столько сделавшие для разжигания революции, в итоге предпочли демократии стабильность. «Поскольку Шанхай является торговым портом, а не полем боя... любая партия, первой прибегнувшая к насилию, будет считаться врагом

¹²⁰ Wei B. Op. cit. P. 199.

¹²¹ Dong S. Op. cit. P. 88.

народа», – заявил председатель Торговой палаты Китая¹²². Бизнесмены решили, что в стране, по-прежнему безуспешно пытающейся догнать Запад, альтернативы сильной центральной власти просто не было. С жизнью при диктатуре можно было смириться, лишь бы никто не мешал им делать деньги.

¹²² *Bergère M.-C.* Op. cit. P. 143.

3. Urbs Prima in Indis. Бомбей, 1857–1896

Бомбейский городской совет (слева) и вокзал Виктория. © *Dwivedi Sh., Mehrotra R.* Bombay: The Cities Within. Eminence Designs, 2001

Вечером 13 октября 1857 года сотни европейцев и тысячи индийцев собрались на Эспланаде – широком, поросшем травой пространстве между Аравийским морем и бомбейским фортом Британской Ост-Индской компании. Вскоре на середину вывели двух сипаев – индийских солдат, которые служили под началом британских офицеров. По приказу капитана королевской артиллерии Болтона с мусульманина Сайада Хусейна и индустра Мангала Гадия сорвали мундиры, а потом привязали их к жерлам заряженных пушек. «Последовала вспышка, – писала газета *The Bombay Times*, – и несчастные отправились в вечность. Тела изменников разорвало на части, и окровавленные куски плоти попадали на землю. Это было отвратительное и ужасающее зрелище. В этот момент сердца жалких негодяев, затевающих против нас предательство, должны были содрогнуться от страха»¹²³.

Британские власти Бомбея считали, что им еще повезло – бунт сипаев, как они называли это событие, в большой мере обошел их город стороной. В тот год Бенгальская армия, штаб которой располагался в Калькутте, а подразделения были расквартированы по всей северной Индии, подняла восстание против своих офицеров после того, как среди солдат пошли слухи, что новые картонные гильзы пропитаны свиным и коровьим жиром. Поскольку, чтобы засыпать порох в винтовку, солдат должен был откусить верхний кончик гильзы, это было бы нарушением религиозных норм как мусульман, которым запрещено есть свинину, так и индустов,

¹²³ *Albuquerque T.* Urbs Prima in Indis: An Epoch in the History of Bombay, 1840–1865. New Delhi: Promilla, 1985. P. 121–122.

которым нельзя есть говядину. После того как отказавшиеся заряжать ружья солдаты подверглись публичному унижению, а некоторые были с позором уволены, бунт быстро охватил состоявший из индийцев рядовой состав.

Когда известия о восстании достигли бомбейского форта, главной причиной для беспокойства располагавшегося там местного руководства Ост-Индской компании стала многочисленная и беспокойная мусульманская община города. Всего пять лет прошло со дня кровавого бунта, охватившего Бомбей из-за карикатуры на Магомета. В 1852 году принадлежавшая парсу бомбейская газета опубликовала статью о жизни основателя ислама, которую сопровождало непочтительное изображение пророка. Во время пятничной молитвы агент-провокатор прилепил картинку на дверь главной мечети города Джама-Масджид. Выйдя из мечети, прихожане так разъярились, что бросились убивать всех парсов без разбора¹²⁴. Мало того, оказавшись под влиянием ваххабизма – детища консервативного теолога с Аравийского полуострова по имени Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб – мусульмане Британской империи проявляли непокорность на протяжении всего XIX века. Британцы считали, что бомбейская община вполне заслужила то отношение, которое они сами обозначали как «ваххабифобия»¹²⁵ – имперский ужас перед радикальными антизападными настроениями среди мусульман; в особенности теперь, когда повсюду распространялись слухи, что британцы заставили правоверных ненароком употребить в пищу свиной жир. Тем не менее праздник Курбан-байрам, во время которого мусульмане вспоминают пророка Ибрагима и его готовность принести в жертву собственного сына, летом 1857 года обошелся без происшествий.

Многие коренные жители Бомбея активно поддержали британцев во время конфликта. Городской бытописатель Говинд Нараян, которого родители привезли из Гоа в Бомбей в возрасте девяти лет, писал в 1863 году об эпохе восстания сипаев: «Трижды все общины собирались в своих храмах помолиться за победу англичан, чтобы они могли, как и прежде, править страной»¹²⁶. Когда заговор нескольких сипаев, которые планировали общегородское восстание во время индуистского фестиваля огней Дивали, был раскрыт лично шефом британской полиции города, зачинщики встретили свою смерть на Эспланаде за два дня до начала праздника, и этим дело и кончилось. Поскольку Бомбейская армия сохранила верность британцам, ее соединения перебрасывались в охваченные волнениями части Индии для восстановления порядка.

Хотя в итоге британцам удалось подавить сипаев, к такому массовому восстанию империалисты были явно не готовы. Целый век после битвы при Плесси в 1757 году Индия тихо дремала под властью Ост-Индской компании. Созданная по особому решению британского парламента компания издавна гордилась умением обходиться минимальным вмешательством в дела своих владений. Даже установив контроль над всем Индийским субконтинентом, она для вида оставила на делийском троне династию Великих Моголов. Британцы не стали навязывать индийцам свои юридические и социальные нормы – напротив, приложили немало усилий для формализации правовых традиций индуистов и мусульман. Вне закона объявлялись лишь самые неприемлемые для европейцев обряды вроде сати – самосожжения вдовы на погребальном костре усопшего супруга. Однако восстание, во время которого огромные области северной Индии в течение целого года не признавали власти британцев, подорвало доверие к управленческим навыкам руководителей компании. 2 августа 1858 года британский парламент принял «Акт об управлении Индией», по которому могольская династия лишалась своего положения, а вся полнота суверенитета над Индией передавалась от Ост-Индской компании непосредственно королеве Виктории. Так началась длившаяся девять десятилетий эпоха прямого управления жемчужиной империи – Британский Радж (от «радж» – «власть» на хинди).

¹²⁴ *Albuquerque T. Urbs Prima in Indis: An Epoch in the History of Bombay, 1840–1865. New Delhi: Promilla, 1985. P. 106.*

¹²⁵ *Albuquerque T. Urbs Prima in Indis: An Epoch in the History of Bombay, 1840–1865. New Delhi: Promilla, 1985. P. 112.*

¹²⁶ *Govind Narayan's Mumbai: An Urban Biography from 1863 / Ed. by M. Ranganathan. London: Anthem Press, 2008. P. 143.*

1 ноября 1858 года со ступеней выстроенного Ост-Индской компанией неоклассицистского здания городского управления торжественно зачитали королевскую прокламацию. В этом документе королева Виктория обещала своим индийским подданным терпимость ко всем религиям и обновление страны (то, что она обозначила словами «общественное благо» и «миролюбивое прилежание», мы бы сегодня назвали «развитием»). Выстроенные неподалеку полки салютовали залпом в воздух, и собравшиеся увидели, как над зданием поднимается «Юнион Джек» – прикрепленный, из-за своей малозаметной для непосвященных асимметричности, вверх тормашками¹²⁷. На первых же аккордах «Боже, спаси королеву» ошибку исправили, однако образ города под перевернутым британским флагом прямо-таки идеально характеризовал Бомбей, которому суждено было стать величайшим мегаполисом колониальной Индии. Ведь как ни старались британцы, построить свой тропический Лондон-на-Аравийском-море им все же не вполне удалось. Являясь вторым по величине городом империи, Бомбей обернулся эдаким Ноднолом, где педантично спланированные усилия британцев преломлялись в кривом зеркале густонаселенного и многоязыкого Индостана.

Архипелаг у побережья Индии, на котором позднее вырос Бомбей, еще в XVI веке заняли португальцы. Бухта показалась им хорошей (по-португальски *bom bahia*), так ее и назвали. Когда острова отошли англичанам в качестве приданого португальской принцессы Екатерины Браганской, сочетавшейся браком с королем Карлом II, название стали произносить на английский манер – Бомбей. В 1668 году корона отдала острова в аренду Ост-Индской компании за смехотворную сумму в десять фунтов в год.

Таким образом компания получила отличный порт, но места для крупного портового города там не было. Семь островов были полностью отделены друг от друга водой только во время прилива. В отлив между зелеными холмами пролегли заболоченные низины. Наблюдая за колебаниями уровня моря, практичные хозяева архипелага пришли к выводу, что, перекрыв устья проток, они увеличат арендуемую территорию втрое – без повышения арендной платы. На отвоеванных у моря болотистых землях со временем вырастет один из величайших городов мира. По словам Салмана Рушди, лучшего писателя, рожденного в Бомбее, британцы «превратили Семь островов в длинный полуостров, похожий на вытянутую, что-то хватающую руку, указующую на запад»¹²⁸.

Осушение началось в 1708 году, когда нанятые компанией индийские работники построили солидную каменную дамбу в одном из тех мест, через которые в протоки между островами поступал основной объем воды. Самое важное из таких мест перекрыли в 1782 году по приказу губернатора Уильяма Хорнби, местного представителя Ост-Индской компании. Необходимость осушения казалась Хорнби настолько очевидной, что он отдал распоряжение о начале работ, не дождавшись подтверждения от лондонского совета директоров компании. Директора отвергли его план, пожалев запрашиваемой суммы в 100 тысяч рупий, однако к тому времени, когда они уволили Хорнби за самоуправство, дамба уже была построена¹²⁹. Реабилитация бывшего губернатора произошла посмертно: главную торговую улицу выросшего на осушенных им болотах великого города назвали в его честь.

Чтобы заселить свой гигантский остров, Ост-Индская компания обещала всем вновь прибывшим физическую защиту каменной крепости и душевный покой конфессиональной терпимости. Религиозные общины беспокойного Ближнего Востока, которые уже многие столетия искали в Индии убежища, хлынули в Бомбей – среди них были и персидские зороастрийцы (парсы) и йеменские евреи. Осознав, что обращенный к Западу порт станет основным связующим звеном между Европой и Индийским субконтинентом, британцы принялись привлекать

¹²⁷ *Albuquerque T.* Op. cit. P. 122–123.

¹²⁸ *Rushdie S.* *Midnight's Children*, 25th anniversary edition. N.Y.: Random House Trade Paperbacks, 2006. P. 101.

¹²⁹ *Grant Duff J.* *A History of the Maharattas*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1921. Vol. II. P. 23.

сюда купцов со всех концов страны. Жители Кералы везли в Бомбей тиковое дерево с юга, обитатели Гуджарата – драгоценные камни северных гор. Портовый город рос, обогащаясь бесчисленными товарами, языками и традициями; в поисках новых возможностей туда съезжались представители всех народов Индии. Как свойственно центрам экономической активности, Бомбей привлекал непропорционально большее количество мужчин: первая же перепись, проведенная в 1864 году, выявила, что мужчины составляют почти две трети его населения¹³⁰.

Для молодых мигрантов Бомбей был чем-то вроде пожарной лестницы в обход неработающих социальных лифтов. В традиционных деревнях континентальной Индии закостеневшая общественная иерархия была возведена в ранг религиозной нормы, представляя собой систему каст потомственных священников, торговцев, землевладельцев и работников. Сын должен был заниматься тем же, что делал его отец. Как правило, это означало обрабатывать клочок земли, чтобы прокормить семью. При наличии в лучшем случае нескольких примитивных орудий и одного буйвола плоды трудов всей жизни составляла простая, по большей части вегетарианская пища – чечевица, рис, пшеница. Дочери шли по стопам матерей: взбивали масло, пекли хлеб и пряли хлопок с помощью простейшей ручной прялки. В воспитании детей акцент делался не на поиске лучшей жизни, а на выполнении предназначенного судьбой. Но пока большая часть Индии двигалась со скоростью телеги, Бомбей прямо-таки несся в будущее: в 1853 году первая в Азии железная дорога связала островной город с материком. В Бомбее сын крестьянина имел шанс стать торговцем или клерком. Человек тут мог повысить свой социальный статус с помощью образования, богатства или личных заслуг. Успешность значила здесь больше, чем происхождение. Как писал Говинд Нараян в 1863 году, «тот, кто раньше был чернорабочим, сейчас учит английский. Многие оставили традиционное ремесло и обучаются языку, чтобы получить новую работу»¹³¹. В какое бы замешательство ни приводил новичка современный город, магнетизм этого места гарантировал, что здесь он найдет немало уже перебравшихся сюда земляков.

На самой вершине бомбейского общества безраздельно господствовали европейцы, однако у каждой этнической группы тут имелись свои лидеры и авторитеты, делаая структуру мегаполиса куда более многовариантной. Даже сегрегация в Бомбее была не такой беспощадной, как в других индийских городах. Здесь было слишком много людей вроде парсов, которых сложно было встроить в бинарные расовые оппозиции «белый/черный» или «местный/иностранец». Ко времени восстания 1857 года Бомбей уже представлял собой уникальную для Индии смесь различных этносов и культур – его космополитизм был зафиксирован в самой структуре города. Хотя Бомбейская крепость, построенная еще в 1769 году, своими грозными бастиями и тщательно охраняемыми воротами напоминала британские укрепления в других крупных индийских городах, в ней тем не менее отразилась специфика бомбейского социума. Если в большинстве поселений Ост-Индской компании территория форта принадлежала только белым, а туземцы обитали за его пределами, Бомбейская крепость была поделена на две части. Указом 1772 года граница была установлена по идущей с востока на запад Черчгейт-стрит: европейцы жили к югу от нее, а индусы – к северу.

Благодаря сравнительно светлой коже и торговым связям со своими единоверцами по всей Азии, парсы доминировали в не-европейском сообществе внутри крепостных стен, составляя 46 % населения форта¹³². Парсам было проще общаться с британцами, потому что, в отличие от других религиозных групп Бомбея (мусульман, индуистов, буддистов и иудеев), у них не было пищевых табу. Более того, для правоверных индуистов европейцы были факти-

¹³⁰ *Albuquerque T.* Op. cit. P. 182.

¹³¹ *Govind Narayan's Mumbai...* P. 197.

¹³² *Dwivedi S., Mehrotra R.* *Bombay: The Cities Within.* 2nd ed. Bombay: Eminence Designs, 2001. P. 56.

чески неприкасаемыми, так как не принадлежали ни к одной касте, и общение с ними нужно было сводить к минимуму, чтобы избежать угрозы для своего духовного благополучия.

Другие разномастные сообщества индийцев сформировались в шумных торговых районах к северу от крепости – на «базарах», где у каждой этнической группы был свой особый квартал. По воспоминаниям Говинда Нараяна, на этом рынке были представлены все народы города и все товары мира. «В ранние утренние часы можно тут было увидеть целую процессию уличных торговцев, каждый из которых громко расхваливал свой товар... на разных языках», – писал он¹³³. Любовно перечисляемый Нараяном ассортимент действительно широк – от кориандра и куркумы до ключей и китайских браслетов; но больше всего гордости у него вызывали настоящие, по всем правилам устроенные магазины, где продавались доставленные морем в бомбейский порт европейские и американские промышленные товары. «Настенные и наручные часы стали столь привычны в Мумбае, что во всей Индии вы едва ли найдете и треть от того, сколько их тут», – писал Нараян, щеголяя вестернизированной искусностью города, ставшего его второй родиной¹³⁴.

Однако людское разнообразие поражало наблюдательных бомбейцев даже больше бесконечного выбора товаров. Используя оборот «шляпный народ», по контрасту с ходившими в тюрбанах соотечественниками, Нараян причислял к этой категории, кроме англичан, «португальцев, французов, греков, голландцев, турков, немцев, армян и китайцев»¹³⁵. Французского путешественника Луи Руссле, посетившего Бомбей в 1860-х годах, тоже ошеломил «целый мир народов и рас во всем разнообразии их внешностей и костюмов, который уместился на улицах этой столицы... Помимо и без того бесчисленных племен Индии, здесь запросто встретишь персов в высоких каракулевых папах, арабов в библейских одеяниях, томалийских негров с тонкими чертами умных лиц, китайцев, бирманцев, малайцев. Эта пестрота делает Бомбей не похожим ни на один другой город мира. Такого всеобъемлющего собрания представителей человеческой расы не было, наверное, даже у подножия Вавилонской башни»¹³⁶. Но еще больше Руссле удивляло то, до какой степени эти народы смешивались между собой. «В тавернах и буфетах толпятся европейцы, малайцы, арабы, китайцы, – писал он, – и песни там не стихают до поздней ночи»¹³⁷.

Огромное разнообразие Бомбея служило питательной почвой для новой культуры, встречающейся лишь в самых космополитичных городах мира. «Калейдоскоп необычных одежд различных племен не только не дает заскучать, но и наводит на определенные мысли, – писал Нараян. – Ни в одном другом городе вы не найдете столько различных каст. Не ошибется тот, кто назовет Бомбей плавильным котлом всех мировых культур»¹³⁸. Однако, если судить по бомбейским индийцам, с удовольствием поглядывающим на свои новенькие карманные часы, чтобы не пропустить поезд и не опоздать на занятие по английскому языку, в этом плавильном котле местные приобретали больше европейских черт, нежели европейцы – индийских. Руссле заметил эту тенденцию: «Богатые индусы живут совсем не так, как их предки. Сохраняя верность своим религиозным традициям, они в полной мере усвоили нормы европейской роскоши»¹³⁹. Британская Ост-Индская компания осознанно не желала навязывать подданным

¹³³ Govind Narayan's Mumbai... P. 53.

¹³⁴ Govind Narayan's Mumbai... P. 54.

¹³⁵ Govind Narayan's Mumbai... P. 52.

¹³⁶ *Rousselet L. India and Its Native Princes: Travels in Central India and in the Presidencies of Bombay and Bengal. London: Chapman and Hall, 1875; перепеч.: New Delhi: Asian Educational Services, 2005. P. 8–9.*

¹³⁷ *Rousselet L. India and Its Native Princes: Travels in Central India and in the Presidencies of Bombay and Bengal. London: Chapman and Hall, 1875; перепеч.: New Delhi: Asian Educational Services, 2005. P. 12.*

¹³⁸ Govind Narayan's Mumbai... P. 53–54.

¹³⁹ *Rousselet L. Op. cit. P. 24.*

европейские порядки, однако в Бомбее вестернизация шла полным ходом благодаря самим индийцам, жаждавшим даваемых ею социальных и экономических преимуществ.

Примечательно, что распространение роскошного образа жизни европейского типа случилось еще до реконструкции Бомбея, в результате которой он стал походить на богатый европейский город. Путешественники удивлялись тому, что при всей своей самобытности Бомбей не выглядел как город в привычном понимании. Несмотря на высотную застройку – а здесь попадались и шестиэтажные здания, – неизвестную в остальной Индии, в Бомбее не было общественных сооружений, соответствующих его стремительно растущему статусу. «Бомбей нельзя назвать настоящим городом, – писал Руссле. – Это скорее скопление многолюдных поселений, расположенных неподалеку друг от друга на одном острове, который и дал им общее имя»¹⁴⁰.

Француз оказался здесь всего на несколько лет раньше срока. Он обратил внимание, что крепостные стены в центре города были уже «в процессе сноса»¹⁴¹, но и представить себе не мог размах и великолепия сменивших их зданий. На обломках форта новый губернатор Бомбея сэр Генри Бартл Эдвард Фрер задумал построить город, достойный уже сложившегося на острове общества.

Сэр Бартл Фрер мечтал превратить Бомбей в величайший город Британской империи задолго до своего назначения на пост губернатора Бомбея в 1862 году, когда у него, наконец, появилась такая возможность. Фрер прибыл в Индию за несколько месяцев до своего 20-летия и, быстро продвинувшись по службе, вскоре был уже личным секретарем губернатора Бомбея от Ост-Индской компании. В 1844-м он ввел в обращение новый девиз для ставшего ему родным города *urbs prima in Indis*. В этом латинском изречении, означающем в переводе «первый город в Индии», была емко выражена мечта Фрера: сделать Бомбей не только ведущим центром страны, но и первым индийским городом в полном смысле этого слова – самоуправляемым городским организмом, который по праву встал бы в один ряд с Лондоном и Амстердамом. Для такого молодого человека это было весьма смелое устремление, особенно если учесть, что Бомбей, при всем его потенциале, оставался на тот момент далеким торговым форпостом, архитектурной доминантой которого по-прежнему являлся могучий оборонительный форт.

Между своими бомбейскими должностями личного секретаря и губернатора Фрер успел побывать членом совета при вице-короле в Калькутте – городе, из которого Ост-Индская компания правила Индией. Занимавшая там несколько зданий в неоклассическом стиле компания мечтала стать наследницей великих империй Греции и Рима, территории которых так же располагались и в Европе, и в Азии. Британский путешественник писал о Калькутте в 1781 году: «Длинные колоннады с открытыми портиками и плоскими крышами [создают] впечатление, напоминающее о... греческом городе эпохи Александра Македонского»¹⁴². В 1820-е годы англиканский епископ Калькутты сравнивал город с Петербургом, в котором Карло Росси как раз возводил свой новый Рим. Однако если Калькутта и являлась тропической сестрой российской столицы, как на том настаивал епископ, ее внешность была не более, чем бледной тенью великолепия Северной Венеции. До введения прямого правления Британской короны Индия оставалась скорее торговой факторией, управляемой межнациональной корпорацией, нежели полноценной колонией под властью монарха, и потому размах архитектурных амбиций здесь неизменно сдерживался рачительными счетоводами Ост-Индской компании.

Когда парадный зал построенного в 1803 году правительственного комплекса в Калькутте украсили мраморными бюстами двенадцати цезарей, члены лондонского совета директоров сделали своим коллегам в Индии выговор за разбазаривание средств компании на собствен-

¹⁴⁰ *Rousselet L.* Op. cit. P. 6.

¹⁴¹ *Rousselet L.* Op. cit. P. 5.

¹⁴² *Metcalf T.R.* An Imperial Vision: Indian Architecture and Britain's Raj. New Delhi: Oxford University Press, 1989. P. 14.

ные прихоти. И хотя некий британский лорд, побывавший на открытии здания, парировал, что Индией «следует управлять из дворца, а не из конторы»¹⁴³, куда более распространенным было мнение, что служащие компании должны жить, как государственные чиновники, а не как римские императоры или магараджи.

Подобно тому как он объявил Бомбей первым городом Индии за несколько десятилетий до того, как город заслужил это звание, в Калькутте Фрер придерживался усвоенных им в Бомбее взглядов, предвосхищавших патерналистскую идеологию эпохи Раджа. Их суть сводилась к убежденности в том, что с помощью европейской культуры и образования даже индийцев можно привести в цивилизованное состояние. Сэр Бартл Фрер и его супруга прославились на всю Калькутту своими добрыми отношениями с европеизированной индийской элитой, представителей которой они даже приглашали на ужины, где были с ними так же учтивы и обходительны, как и со своими белыми гостями. Чета Фрер, наряду с горсткой других британцев, раньше прочих сделала выбор в пользу политики, которая, по выражению одного империалиста, «создавала» слой подданных, которые, оставаясь индийцами по крови и цвету, обладали английскими эстетическими предпочтениями, моральными установками, мнениями и образом мысли»¹⁴⁴

¹⁴³ *Metcalf T.R.* An Imperial Vision: Indian Architecture and Britain's Raj. New Delhi: Oxford University Press, 1989. P. 13.

¹⁴⁴ *Tillotson G.H.R.* The Tradition of Indian Architecture: Continuity, Controversy and Change since 1850. New Haven, CT: Yale University Press, 1989. P. 33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

По другим сведениям, Росси все же родился в Неаполе, но был в очень раннем возрасте привезен в Петербург.

2.

Принятые в конце XIX века законы муниципалитетов и штатов бывшей Конфедерации, по которым неграм предоставлялся «равный, но отдельный» доступ к различным услугам. На деле – законодательная основа для суровой сегрегации, действовавшей на юге США до 1960-х годов. Названы в честь популярного черного персонажа комических ярмарочных представлений.